

Николай Семенович Лесков

Оскорбленная Нетэта

Содержание

#1	0004
#2	0005
I	0007
II	0014
III	0020
IV	0030
VI	0045
VII	0058
VIII	0081
IX	0089
XI	0102
XII	0108
XIII	0117

Николай Семенович Лесков

Оскорбленная Нетэта

Историческая повесть

Потрясенный дух склонен к суеверию.
Тацит, I, 28

Грех не велик, если ей на теле, и стройном и гибком,
Дерзкой рукой изомнешь туники воздушные складки.
Спутаешь волны кудрей и вмиг на чело молодое
Тучку досады нагонишь с зарницами быстрыми гнева!
Кто же не любит смотреть на то, как с досады мгновенной
Слезы красавица льет? Но знай: непристойно, преступно
Вызвать из груди ее поток безутешных рыданий,
Чтобы, беснуясь, она металась, кричала от горя.
Чтобы ногтями своими себе же царапала щеки!
Скиф необузданный тот, преступный и гнусный, безумный
Изверг, кто милой своей такое нанес оскорбленье!
Боги соступят с небес и тяжело его покарают.

Катулл

При императоре Тиверии [Тибериус (Тиверий) (42 до н. э. – 37 н. э.) – римский император (с 14 г.) династии Юлиев-Клавдиев] произошло в Риме одно чрезвычайно возмутительное событие, отмеченное Флавием в его "Древностях иудейских".

Старая религия доживала свой век. По внешности ее держались все, но по внутреннему убеждению уже очень немногие верили в ее святость и в ее спасительное значение для человека. Сомнение в истинах этой отживавшей свое время веры не было чуждо и самим жрецам. Напротив, в них даже более, чем во всех других людях, давно поселилось неверие ко всему, во что они учили верить других, но так как для них было выгодно, чтобы люди почитали их способными руководить велениями богов, то они поддерживали народные суеверия и извлекали из них для себя выгоды. С этой целью жрецы от времени до времени сочиняли и распускали в народе удивительные рассказы про разные невероятные дела, которые будто бы происходили

в их храмах, и это всегда имело двойные последствия. Такие рассказы одновременно возбуждали негодование образованных людей, которые видели в этих рассказах богохульство и ложь, рассчитанные на то, чтобы обмануть людей необразованных и легковерных, и за то собрать с них приношения на молитвы; а в необразованных и легковерных людях это будило склонность к суеверию и предавало их в руки жрецов, между которыми были люди, умевшие хорошо притворяться и прославлявшиеся за свое благочестие, которого, в сущности, они не имели.

Одним из таких жрецов был главный жрец капища Изиды в Риме, по имени Хрем.

Он пользовался в разных слоях римского населения славою священнослужителя, которого особенно любит всеблагопомощная богиня Изида и всякое его моление исполняет сама или через посредство Анубиса, златокудрого бога.

Хрем с большою для себя выгодною пользовался славою, и все это сходило ему благополучно, пока не пришло время и через него произошло в Риме "невероятное и ужасное"

событие.

Событие это, вызванное безумною любовью богатого молодого человека к молодой замужней красавице строгих нравственных правил, имело последствиями обнаружение страшных злоупотреблений в римском храме богини Изиды, открывших обманы в ее таинствах, за чем последовали казни жрецов и других обманщиков и уничтожение самого храма.

И все это произошло через весьма скромную и благо нравную женщину, целомудрию которой была нанесена несносная обида, сделавшаяся причиной удивительного конца ее страданий.

Вот в чем было дело.

Жил в Риме достаточный гражданин по имени Сатурнин. Он был прославленный своею храбростью мечебоец, и когда достиг уже пожилых лет, то в консульство Квинта Плавтия и Секста Папиния [Квент Плавтий и Секст Папиний Аллений были консулами в 36 г.] получил почетную должность в отряде императорских телохранителей и, появляясь часто перед Тиверием, имел редкое счастье по-

нравиться этому мрачному и подозрительно-
му государю и внушил ему к себе без особен-
ного старания такое доверие, что Тиверий вы-
разил особенное удовольствие видеть его на
страже у своего жилища. А как скоро такое
благоволение императора было замечено
высшими военными властями, то лица эти и
сами поспешили оказывать Сатурнину вся-
кие милости и так расположили его службу,
что он почти постоянно находился во дворце
цезаря. Это же сделало Сатурнина известным
и во всем Риме, и многие стали перед ним
ласкательствовать и искать с ним сближе-
ния. А когда он овдовел, неожиданно потеряв
первую жену Ауфилену, причинявшую ему в
течение десяти лет супружеской жизни мно-
го досаждений и покрывшую имя его бессла-
вием своего поведения, то нашлось много до-
статочных людей, которые обнаруживали го-
рячие и спешные заботы, чтобы породниться
с Сатурнином посредством вовлечения его в
новый брачный союз с кем-нибудь из своих
дочерей или других близких родственниц.

Но как для осуществления этих забот нуж-

но было согласие тех лиц, которые должны были вступить во второй брак с Сатурнином, то дело это представляло некоторую трудность, так как храбрый мечебоец имел наружность, которая не могла быть во вкусе молодых римских девушек, любивших видеть в мужчине красоту и изящную статность. Сатурнин хотя был и высок ростом, и силен, но был очень длиннорук, и в его фигуре не было никакой гибкости и благородства, а его незлое и даже, можно сказать, доброе лицо носило следы легковерия и тупости. Притом оно было обезображено сильно заросшим лбом и отвислыми апатическими губами, в которых не было видно никакой энергии.

Знакомые, знавшие жизнь его с первою женою Ауфиленою, которая утонула, катаясь на лодке с молодым другом Сатурнина, мечебойцем Бибулом, хотя и жалели о том, что Ауфилена не хранила покой Сатурнина, но тут же признавали между собою, что хранить верность к нему для такой живой женщины, какова была белокудрая Ауфилена, было бы и трудно.

Дурным находили только то, что она без

сожаления тратила на своих часто сменяемых избранников достояние своего доверчивого и простоватого мужа, за что, как думали, Ауфилену и покарали боги: так как последний ее избранник и ложный друг Сатурнина, богошественный Бибул, погубил ее, наскучив ее нежностью, которая, при неравенстве их лет, казалась ему тягостною. За это он не только изнурял ее средства, которые она в свою очередь брала у мужа, но обращался с ней не иначе как с видимою для всех презрительностью и наконец однажды заманил ее притворною ласкою в загородную корчму, и оттуда Ауфилена уже не возвращалась, так как они с Бибулом поехали вдвоем кататься на лодке в море, и там произошло нечто такое, при чем лодка их опрокинулась. Юный Бибул спасся, держась в воде за борт лодки, а более слабая и нежная Ауфилена не успела схватиться за край лодки и потонула.

Молва же народная прямо утверждала, что Бибул, несносно наскучив Ауфиленою, решил от нее избавиться и, сломав ей руки, столкнул ее в воду.

Об этом и говорили простолюдины, кото-

рые толклись при таверне, откуда отплыли Бибул с женою Сатурнина, и все знакомцы Бибула: роскошник Фуфидий, известный щеголь Руфил, философ Будаций, весельчак Фунданий и другие праздные люди большого достатка, проводившие веселые ночи в загородном доме богатой вдовы Фаволии, не желавшей стеснять себя узами нового брака и проводившей веселую жизнь без внимания к общественным толкам.

Вообще Сатурнин, приятный императору, не имел тех качеств, которыми он мог нравиться женщинам, а между тем сам он этого не замечал и, будучи очень женолюбив, не хотел оставаться вдовцом после смерти Ауфилены и простер свои виды насчет одной из девиц, отличавшейся превосходною красотою и благонравием, а притом имевшей и хороший достаток.

Девушка, к которой почувствовал расположение пожилой Сатурнин и пожелал взять ее за себя замуж, называлась Нетэта. Ей в это время едва лишь исполнилось четырнадцать лет, и она обращала на себя внимание всех своею необыкновенною милотою. Она не принадлежала к именитому и знатному роду, но, однако, имела свое родословие: отец ее, суровый римлянин по имени Пакувий, был в числе мечебойцев в египетских войсках Антония [Антоний Марк (ок. 83 -- 30 до н.э.) -- римский полководец, консул с 44 г., имевший в управлении восточные области Римской державы. Царица Египта Клеопатра (69 -- 30 до н.э.) была его любовницей, а затем супругой. Потерпев поражение в борьбе с Октавианом (30 г.), оба они покончили жизнь самоубийством.]. Он служил при дворе Клеопатры и, может быть, участвовал в последнем предательстве ее победителю, от которого зато и получил жизнь и дозволение возвратиться на родину, в Рим. Пакувий был женат на египтянке, которая была родственницею

одного из приближенных жрецов Клеопатры, разделивших до конца ее последнюю судьбу. Жену Пакувия звали Атис.

Атис была молода и красива, любила утехы жизни и считала вправе желать их и любоваться ими, так как она принесла своему, мужу приданое, которое, по тогдашнему невысокому положению Пакувия при дворе Клеопатры, следовало считать весьма значительным. Пакувий был много старше своей жены и не имел склонности к тому, что влекло к себе его избалованную жену. Вследствие этого в союзе их не было согласия, и брак их долго оставался бездетным, но Атис стала просить богиню Изиду, чтобы та дала ей детей, и когда пребывала три ночи в молениях об этом в храме богини, прошение ее было услышано, и у Атис родился прекрасный ребенок, девочка, которую называли Нетис, а в родственном кругу называли Нетэтой.

Дитя это почиталось обязанным своим происхождением не одним простым причинам союза ее родителей, но также и божественному участию бога Анубиса или Диониса, вечно присутствующего в храмах Изиды и

восполняющего все, что угодно благодетельствовать богине.

Замечательная красота девочки еще более закрепила за нею всеобщую уверенность, что в происхождении ее на свет божество оказало особенное участие. Нет эту почитали также богорожденной, как Бибула, виновника смерти первой жены Сатурнина, пышной Ауфилены, и это никого не удивляло и не казалось особенно странным, так как такое участие богов в семейных радостях людей в это время почиталось за возможное и весьма вожделенное и входило в пределы благоверия. А дети, в рождении которых признавалось особенное участие того или другого бога, у правоверных людей пользовались высшим вниманием, и если они обладали какими-либо счастливыми качествами или дарованиями, то все это относилось к их божественному происхождению. И с ними не наблюдали условий общественного равенства, а, напротив, почитали их за превосходнейших и достойных самого лучшего с ними обхождения.

Если же и были вольномыслители, которые находили такое участие богов в делах лю-

дей как бы неуместным и подверженным сомнению, то они хранили это про себя и не высказывали своих мнений иначе как в кружке людей им единомысленных, ибо иначе боялись, что неверие их может послужить им к пагубе.

Нетэта была дочь очень красивой матери, но затмевала ее своей красотой, и Атис очень радовалась, что дочь ее была столь прекрасна, что о ней знали в Риме как об одной из красивейших женщин.

Пакувий и Атис с Нетэтою жили в небольшом собственном доме у Тибра, недалеко от густонаселенной части города, где среди больших зданий прятался храм богини Изиды -- с виду весьма небольшой, но, в сущности, очень поместительный и имевший много пристроек на земле и под землю.

Атис была близка к храму Изиды, как потому, что имела крепкую веру в заступление этой богини, даровавшей ей превосходную дочь, так и потому, что во дни, когда она в слезах уезжала с мужем из Александрии, египетский жрец Изиды, молившийся с Атис о даровании ей ребенка, утешил ее тем, что она

не будет одна и на чужбине, и что в Риме и везде с нею пребудет милость Изиды. А чтобы Атис верила в это еще тверже, египетский жрец наказал ей явить себя в Риме тамошнему старшему врачу (sic) Изиды, престарелому Хрему. И печальная Атис как только достигла Рима после скучного плавания через море, так сейчас же побежала к храму святейшей богини и была утешена тем, что увидала, сколь прав был египетский жрец, обещавший ей повсеместную защиту Изиды.

Хрем сразу узнал Атис и, встретив ее с улыбкой, прямо назвал ее по имени. Он сказал ей, чтобы она открыла ему лицо лежавшего на руках ее ребенка, и точно так же произнес вслух имя Нетэты, коснулся до ее детского лба своими перстами и вдобавок сказал им обеим:

-- Дверь милосердой богини будет открыта всегда для обеих вас вместе. И каждая порознь, которой что нужно, тоже может себе попросить пред святыми изваяниями благопомощной! Всегда притекайте к Изиде, и с вами вечно пребудет Изида!

И Атис нестрашно сделалось в Риме, и она

здесь устроилась и прожила столько лет, что ее Нетэта выросла и стала из многих отличаться замечательною красотою. Ей шел уже пятнадцатый год, и -- по тогдашним обычаям в Риме -- ее уже пора было устраивать замуж.

Несмотря на то, что мать Нетэты выросла при дворе Клеопатры, где не ярко цвела добродетель, и собственное прошлое Атис не было безупречно, она вела свою дочь очень просто, содержала ее в тишине домашнего круга и приучала к хозяйству и женским рукоделиям, а от событий общественной жизни ее устранила, и потому Нетэта выросла в неведении о всем разнообразии жизни.

Воспитанная в семье, державшейся старинной набожности, при которой люди желали верить в постоянное вмешательство божества во все житейские дела и поступки, Нетэта удерживала в себе это настроение и для того часто ходила молиться в храм Изиды и Анубиса, где была известна всем жрецам и старшему первосвященнику Храму, у которого она и была несколько раз в его прекрасном помещении, в сокрытом подземелье храма.

Храм же Изиды в Риме был невелик, и как император Тиверий не благоволил к культу этого исповедания, то жрецы Изидины старались как можно меньше себя оказывать, и

для того молеельщики к ним собирались без скликания, в сумеречное время, а жрецы не выходили без крайней нужды из храма, в котором они, несмотря на не особенно большие размеры храма, имели все необходимое для их не только достаточной, но даже и приятной жизни. Всех жрецов при римском храме Изиды было четырнадцать, и при них незначительное число низших прислужников, особенно ловких для исполнения самых разнообразных поручений. Старший же был Хрем, о котором сказано выше, и от него все зависело в храме. А сам он только по самым важным делам спрашивал себе распорядка из Египта.

С этим-то старым жрецом и были знакомы особенно именитые прихожане храма, и в числе таковых были оба дома, как тот, из которого шла родом Нетэта, так и дом Сатурнина.

Когда красивая дочь сурового Пакувия и Атис стала блистать своей красотой в Риме, многие искали знакомств с этим семейством, и хотя дом Пакувия не выходил из разряда домов людей среднего достатка и старик Пакувий был нелюдим и суров, а жена его Атис не

имела надлежащей привычки к хорошему обхождению, — в дом их сделались вхожи: роскошный Фуфидий, сенатор Помпедий, молодой щеголь Руфил, обладатель огромных богатств по имени Персии, известнейший лакомка Фуск, проедавший второе наследство, Лелий-поэт, историк Фунданий и двусмысленный Зет, Мена-глашатай, весельчак, всех смешивший, — Фунданий, Фурний, певец Амфиона, светской жизни знаток Булаций, скучающий философ, и еще много других, одиноких людей, имеющих видное положение.

В числе сих последних был и овдовевший Сатурнин. Все они имели неодинаковые цели для посещения дома Пакувия, и большинство из них льнуло сюда с видами, которых не сме-ли бы обнаружить явно. Но зато юный Фунданий вдруг утратил всю свою веселость и прямо стал искать руки юной Нетэты и, может быть, получил бы ее, если бы ему вдруг не объявился соперник в лице скучающего Булация, который, наскучив своею философскою скукою, искал обновления жизни в союзе с прелестным ребенком.

Тогда, прежде чем Пакувий и Атис могли

взвесить соответственные выгоды одного и другого предложения, у Нетэты неожиданно объявился еще третий жених. Это был Сатурнин, который, казалось, будто даже мало на нее и смотрел из-под своего волосатого лба, но ему-то и суждено было получить себе в супружество юную Нетэту.

Успех его был основан на недоразумении и обмане глашатаго Мены, который, часто видаясь с Сатурнином, умел подсмотреть его никем другим не замеченную склонность к Нетэте и, выпытав у него признание в этом, узнал также, что он не имеет смелости обнаружить свое намерение, потому что боится множества бывающих в доме Пакувия особ, которым, вероятно, будет оказано предпочтение, а он будет отвергнут и сделается предметом издевательства со стороны шалуна Фундания и других молодых насмешников.

Тогда Мена-глашатай сказал ему, не хочет ли он ему прозакладывать всего одну тысячу аттических драхм за то, что он сделает всех посещающих дом Пакувия безопасными Сатурнину и высватает ему Нетэту. А как Сатурнин страстно влюбился в тихую и изящную

Нетэту и имел у себя состояния около тридцати тысяч драхм, то он не пожалел обречь из них одну тысячу глашатаю Мене, если только он уладит дело, на которое вызвался. Мена же не взял без пользы тысячу аттических драхм у Сатурнина, а действительно, обойдя всех, ласково взиравших на Нетэту, быстро и благополучно высватал ее для Сатурнина.

Все пути, которыми шел к этой цели Мена-глашатай, в подробностях остались неизвестными, но говорили, будто он употребил при этом имя Тиверия, на что не имел будто никакого права. Встретив Пакувия, Мена будто бы стал говорить ему под великим секретом, до чего странен характер мрачного Тиверия, который не отличает многих истинных заслуг и, напротив, удостаивает случайно самых мелочных забот таких грубых и мало-важных людей, как Сатурнин.

И, заинтересовав таким вступлением Пакувия, который стал его внимательно слушать, вдруг как бы спохватился и воскликнул:

— Ах, что я делаю! Я говорю тебе об этом, тогда как это тебя же ближе всех и касается!

И когда от этого Пакувием овладело еще более страстное любопытство и он позвал Меллу в дом и стал угощать его, тогда этот открыл ему, будто равнодушный ко всем заслугам Тиверий, ко всеобщему удивлению, стал до того отличать преданность ему Сатурнина, что обращает внимание на унылость, не сходящую с лица Сатурнина с тех пор, как тот лишился Ауфилены и нынче угнетаем безнадежной любовью к девушке, которая нравится ему своим добронравием и с которою он надеялся быть счастливым и уврачевать в своем сердце раны, нанесенные другими поступками его первой невоздержанной жены, за поведение которой ему надоело переносить злые шутки римских насмешников.

Пакувий сейчас же пожелал узнать, что же мешает Сатурнину в достижении его счастья. А глашатай ему отвечал:

-- Сатурнин опасается, что ты и жена твоя не отдадите ему вашу дочь в супруги, и тогда люди над ним станут еще более смеяться -- все, которые завидуют милостям, являемым ему цезарем.

-- Как! -- воскликнул Пакувий. -- Так пре-

данный слуга нашего цезаря Сатурнин желает жениться на нашей Нетэте?

-- Ну да! -- отвечал ему Мена-глашатай. -- Храбрый и верный Сатурнин, который имеет счастье усугубить покой цезаря своим нахождением при его особе, полюбил твою кроткую дочь Нетэту.

-- Так для чего же он давно не сказал мне об этом?

-- Я тебе говорю, что он боялся быть отвергнутым и за то подвергнуть себя еще большим насмешкам.

-- Он напрасно этого боялся!

Тогда Мена увидел, что Пакувий не будет противиться исканиям Сатурнина и тысяча драхм, полученных за успешное сватовство, останется его заработком, и он стал смело хвалить разум Пакувия и представлять ему многочисленные выгоды от родственного сближения с Сатурнином, обратившим на себя внимание цезаря, вообще равнодушного ко всем заслугам.

Пакувий же как человек, прошедший жизнь в грубых условиях военной среды, в самом деле был согласен выдать Нетэту за Са-

турнина, как потому, что карьера Сатурнина при дворце Тиверия напоминала Пакувию его собственную солдатскую верность, которую он снискал расположением египетской царицы и Антония, так и потому, что слишком красивая и кроткая дочь не возбуждала в сердце Пакувия особенной нежности, а напротив, была для него причиной беспокойств от посещения дома его множеством лиц, которые, наверно, смеялись между собою над его солдатскою необразованностью и, во всяком случае, изрядно ему надоели.

Притом же он преимущества всех сенаторов, певцов и поэтов считал гораздо менее высокими и прочными, чем преимущества воина, отличающегося вниманием цезаря, который верит в его преданность себе и на него полагается.

А потому Пакувий с первого же раза был согласен выдать Нетэту за Сатурнина и немедленно позвал к себе Атис и тут же сообщил ей при Мене о своем решении...

Но Атис не была так скороспешна. Она понимала в сердечных делах больше, чем Пакувий, и хотя не противилась желанию мужа

выдать Нетэту за пожилого Сатурнина, но вспомнила, как сама она, выдаваемая таким же образом за Пакувия -- по расчетам Хармионы, -- терзалась и покушалась задушить себя, набив рот и нос глиною, а потому она предостерегла мужа, чтобы не говорить об этом сразу Нетэте, а прежде приготовить ее к этому, для чего и предложила самый практический способ.

Жена Пакувия была женщина очень набожная и особенно почитала богиню Изиду, в темных притворах великолепного храма которой в Александрии с нею свершилось чудо, даровавшее ей дочь с чертами божественной красоты и душевного благородства. Получив такой залог благодатного внимания богини, Атис еще более усилила в себе почтение к Изиде и веру в ее скорую помощь во всех трудных случаях жизни. И потому отвечала мужу, что прежде, чем дать решительный ответ Сатурнину через глашатая Мену, она считает благочестивым и должным пойти в храм Изиды, помещавшийся в то время за Тибром, и, помолясь там перед своей заступницей, просить совета и помощи у жреца святили-

ца, досточтимого Храма, который еще благословлял ее брак с Пакувием в Египте и осенил своим благословением приход в мир Нетэты.

IV

Выслушав такой ответ от жены, Пакувий, который тоже отличался набожностью и не любил вольнодумцев, нашел рассуждение Атис прекрасным и достойным того, чтобы быть исполненным, а потому, указав рукою на жену, сказал:

-- Я одобряю ее намерение: пусть она и Нетэта в самом деле сходят к владычице Изиде и, укрепив ум своей молитвой, откроют все дело достопочтенному Хрему. Это опытный и мудрый советник. Когда мы соединились узами брака с Атис в Египте, Хрем не был так стар, как нынче, и не имел еще важного положения между жрецами александрийского Изидина храма, но и тогда он умел дать добрый совет Атис, и мы сделали дело, за которое нас не оставляли вниманием ни Хармиона, ни сама Клеопатра, ни даже Антоний. Теперь же Хрем в здешнем храме Изиды имеет главное место, и Кронид [Кронид -- в греческой мифологии верховное божество Зевс (сын титана Крона), культ которого слился в эпоху древнего Рима с культом местного бога Юпи-

тера], убелив его голову сверху, исполнил ее внутри светом всякой мудрости. А потому мы можем считать, что благодаря рассудительности Атис дело это поставлено на самый надежный путь. Если бы я стал настаивать сам, я бы, конечно, настоял на своем, но мы могли бы иметь какие-нибудь непредвиденные хлопоты и неприятности с ребячьими малосмыслиями Нетэты... Ты знаешь... Сатурнин ведь годами, я думаю, немногим чем будет моложе меня и собой не красавец, и притом она с ним ведь никогда ни о чем не говорила и может его дичиться, так как все они, девочки, глупы, и в головах у них, как у всех женщин, много пустого. К счастью нашему, есть еще то, что покуда наши женщины набожны и послушны к тому, что получают как веление свыше. Вот... Я надеюсь, что ты теперь меня понял.

И когда Мена ему в знак согласия качнул головою, то Пакувий встал с места и, положив на плечо кисть руки, сказал:

-- Будь же покоен за все, добрый Мена, и хотя мне приятно бы дольше иметь тебя милым гостем, но не надобно все о себе только думать. Иди и успокой скорей Сатурнина.

Пусть взоры цезаря не читают более напрасной тоски в лице его верного охранителя. А через три дня ты приходи к нам за ответом, и я надеюсь, что ответ будет добрый... О, непременно он всем будет в пользу! Сегодня уже поздно... Завтра Атис изготовит по-египетски свиную голову и еще возьмет кое-что и пойдет с дочерью к храму... Хе-хе-хе! Достопочтенный Хрем, да, достопочтенный, прекрасно служит тем, кто прибегает под покров и защиту великой богини...

И Пакувий медленно и потихоньку подвигал Мену к выходной двери и прошептал ему у порога на ухо:

— Но не забудь, что люди на всех ступенях величия остаются людьми, и досточтимый отец наш Хрем, нынешний главный жрец святейшей Изиды, и нынче, как встарь, когда я приходил к нему влюбленным вертопрахом, чтобы попросить его предстательства за меня у богини, терпеть не может, чтобы люди приходили его беспокоить с пустыми руками. Да и в самом деле, ведь это глупо. Жрецы тоже имеют свои надобности, и если

кто хочет через них получить помощь и выгоды свыше, тот должен быть вежлив, мой добрый Мена, он должен не затруднять служителя бессмертной дарами... Не правда ли? Кто хочет иметь помощника, тот должен, Мена, с ним по-товарищески делиться. Прощай, добрый Мена!

-- Прощай, многоопытный Пакувий! -- ответил Мена и прямо из этого дома отправился за Тибр к удаленному и отчасти сокрытому за другими постройками, темному и как бы томительному храму Изиды.

Там глашатай после немалых поисков нашел совсем безволосого старика, который молча его выслушал и удалился, выслав к нему через некоторое время другого человека, а этот взял его за руку и повел совершенно темным переходом к светозарному храму.

И здесь Мена открыл жрецу свою надобность и положил перед ним триста аттических драхм на молитвы перед изображением святейшей Изиды, получил утешительную надежду, что владычица, вероятно, изберет лучшее, что нужно для пользы к ней прибегающих, и не укуснит завтра же изъять чрез

него свою волю Атис и Нетэте.

И случилось все так, как подал надежду жрец Хрем, принявший от Мены свою долю драхм на молитвы перед святейшей Изидой. Едва лишь Атис с юной Нетэтой на другой день только пришли и стали со своими дарами под портиком храма, как их поманил к себе в закрытое место таинственно Хрем и сказал им:

-- Здравствуйте, богом любимые мать и невеста, обреченная богиней для утешения достойного Сатурнина! Привет вам и радость! Богиня избавила преданного ей Сатурнина от коварной Ауфилены и желает излить свои щедроты на тебя, Нетэта! Иди и поклонись Матери нашей Изиде и получи от нее полноту бытия [Изида имела много наименований; из "Истории религий" епископа Хрисанфа (т. II, стр. 59) видно, что эту богиню называли "тысячеименною", но самые употребительнейшие названия были: Полнота, Владычица, Мать и Заступница].

Этим словом и особенно своею решительною поспешностью жрец до того связал волю набожно воспитанной Нетэты, что она ниче-

го не возражала и безропотно подчинилась тому, что приняла за волю богини Изиды.

Сатурнин вступил в брак с Нетэтой, и свадьба их была отпразднована несколько скупо, так как Пакувий был скуп, а Сатурнин ненаходчив, да и оба они притом были рады развязаться с обширным знакомством, образовавшимся в ту пору, когда милая Нетэта расцветала в отеческом доме.

Женясь, Сатурнин стал вести самую тихую жизнь и избегал всяких знакомств, что все приписывали его ревности, но что на самом деле происходило просто оттого, что супруги были совершенно счастливы в своем тихом доме. Добрый Сатурнин нежил и баловал свою юную красавицу жену, как нежное дитя, а Нетэта не желала ничего более, как неизменяемости этой спокойной жизни, оставлявшей ее в стороне от всех треволнений жизни, о которой ей рассказывал ужасные страсти, возвращаясь из царского дворца, Сатурнин.

Так прошло четыре года, и во все это время Нетэта не показывалась нигде в общественных местах, кроме храма Изиды, куда ходила в тихие сумерки благодарить богиню за свое

счастье. Теперь ей уже исполнилось восемнадцать лет, и изящная красота ее, дававшая ей смешанный вид "богини и пастушки", расцвела и сделалась еще поразительнее. А детей у нее не было, и все полагали, что о них она особенно и припадает с молитвой к "Подательнице полноты бытия".

Да это так именно и было, потому что дети в одиноком положении Нетэты, при беспрестанных отлучках мужа во дворец цезаря, могли составить ей лучшее утешение. Об этой тайне прошений Нетэты наверное знал один Хрем, но он томил ее, не подавая ей никакого иного утешения, а только возводил глаза вверх и повторял:

– Терпение, дитя мое, терпение, и добро тебе будет!

Но добро не приходило, а зато скоро и совсем из далеких стран налетело сколько внезапное и дикое, столько же и неотразимое но своей наглости зло.

К тому времени, когда истекал четвертый год замужества Нетэты за Сатурнином, прибыл из Галлии в Рим молодой римский всадник [Римский всадник -- представитель при-

вилегированного сословия с высоким имущественным цензом], по имени Деций Мунд. Он происходил из знатного рода, был холост и красив собою и имел в своем владении обширные и богатые имения. Характер он имел своевольный, смелый и страстный и настоящее римское себялюбивое и холодное сердце.

Свойства эти отпечатлевались и в его наружности, красивой и дерзкой. Деций Мунд был статен, высок и могуч. Ловко и неустрашимо он оказал подвиги отваги и мужества в боях и усмирениях людей, тяготившихся тираниею Рима, и был послан от наместника Галлии к императору Тиверию для того, чтобы тот обратил свое внимание на вестника побед и удостоил бы Деция всемилостивейших наград.

В числе этих наград едва ли не самую желательною для молодого воина было то, что цезарь дал ему почетное положение при себе и оставил его в Риме, где Деций Мунд мог жить в одном из своих роскошных домов и вознаграждать себя в роскоши и общении с людьми знатного положения -- чего он был

лишен во время пяти лет пребывания в полудикой Галлии.

Об этом заботился сам Деций Мунд и его многочисленные родственники, имевшие видное положение в обществе, и старый друг Дециева отца, знатный и богатый сенатор Требатий, человек с очень большими связями. Он особенно озабочивался этим потому, что имел единственную дочь, по имени Динару, которой в то время шел девятнадцатый год и которая с самого детства считалась невестою Деция.

Теперь она находилась как раз в таком возрасте, когда пора было осуществить долгое намерение ее родителей и родителей Деция -- соединить молодых людей узами брака, а Требатий не хотел ни отпускать от себя Динару с мужем в далекую Галлию, ни оставлять ее в одиночестве тотчас после брака, что неминуемо пришлось бы сделать, если бы кесарь не соблаговолил на перевод Деция в Рим, на достойное его место в когортах отборного войска.

Но при медлительном характере Тиверия уладить то было не легко, и Деций оставался

В Риме в ожидании, чем обрадует его цезарь, а в это время сам спешил вознаграждать себя всеми возможными удовольствиями, которых долго лишен был, живя в Галлии. Более же всего влекла его к себе игра, в которой он хотел отличаться как значительностью своих проигрышей, так и совершенным к ним равнодушием. А еще более искал он победы над женщинами, к чему неудержимо и алчно стремился, как бы совсем забывая, что скоро должен вступить в брак с дочерью именитого Требатия, богатой и блистательной Цинарой, обрученной ему с самого детства.

Как в том, так и в другом Деций Мунд старался превзойти всех, чтобы заставить себе завидовать и удивляться. В погоне за суетной славой первого мота и повесы он готов был на самые большие безрассудства и жил как бы в напряженном опьянении, которое ему надо было завершить самыми отчаянными актами высшего безумства... За городом у богатой вдовы Фаволии, которой нравилось презирать мнениями света, скоро был дан Децию предмет, достойный одушевлявшего его настроения. У нее он сделал с удивившим

всех невозмутимым спокойствием два таких крупных проигрыша, какие едва ли снес бы спокойно самый большой богач этого круга, Персий, или три состояния проживший Фуфидий, и там же сплетник Мульвий и двусмысленный Зет разгласили враз две победы Деция над двумя известными всем своей красотой римлянками -- Феророй, по которой напрасно и долго томились, ничего не достигнув, Персий, Руфил и сенатор Помпедий, и над подругой Фероры -- Фелидой, светлые кудри которой воспевали в стихах своих Лолий и Фурий и получали за то вознаграждение от мужа ее, Педомия, и от ухаживавшего за нею вежливого Амфиона.

Этим успехом Деция Мунда, рассказанным вечером всем по секрету сплетником Мульви-ем и двусмысленным Зетом, было заинтересо-вано все общество, собравшееся у Фаволии, и историк Фунданий уже записал это на дощечки, которые всегда имел при себе в складках тоги. Но бывший тут грубый и дерзкий Орбелий, человек, которого лучше было бы не пускать ни в какое общество, но который между тем втирался повсюду и везде был способен

затянуть споры и ссору, не снеся этого, чтобы не дать Децию Мунду славы большого успеха у женщин, и забыв все, чем мог рисковать, произнес вслух, ковыряя в зубах:

-- Экая важность Ферора с Фелидой! Важно лишь то, что у них есть мужья, которые верят в их добродетель, да, признаться, и это не важно. Кто из людей именитых не любит себя обольщать, что жена его одного его любит!.. Эх; про Ферору не ты один кое-что знал и знаешь.

-- Ей всегда нужны деньги, -- подсказал Орбелию Мульвий.

-- Да, да, это правда, -- поддержал Мульвия двусмысленный Зет, и тут же добавил, что Ферора на днях призывала к себе процентщика Авла и напрасно старалась заслужить у него тысячу драхм.

-- Верно, -- ответил Орбелий, -- я видел чужеземных купцов, которые предлагают привезенные ими драгоценные ткани, и сказал себе: ну, теперь держитесь на страже, почтенные мужи священного Рима: жены вас потрясут и заставят податься казною или вашею супружеской честью.

Тут сплетник Мульвий сейчас и припомнил, что Ферора на днях приказала рабыням шить ей тунику из голубой тонкой ткани серебряной нитью.

-- Ну и, конечно, -- воскликнул Орбелий, -- она себе собрала, как и прежде сбирала, а Фелида... Она молодая подруга Фероры, но она не впервые уж ей соревнует, и я опасаясь, что она слишком поспешно уронит цену добродетели в Риме, так что Фурию скоро придется размечать против многих имен ничтожные цифры, а Лелий и Фурний-певец станут петь про тех, которые сами о себе предпочитали бы всем разговорам молчанье.

И разговор, вступив на эту стезю, продолжался дотоле, что Орбелий с наглостью сказал, что для того, кто хочет и может тратить много денег, нет ничего удивительного приобрести в Риме ласки каждой римлянки.

Тогда одни гости отвернулись от Орбелия, а Фаволия сухо заметила ему, что он, верно, забывает, что и она тоже женщина и что он сидит в ее доме.

-- Нет, я это помню! -- ответил Орбелий.

-- Ты тоже не делаешь для меня никакого

исключения?

— Зачем же ты напрашиваешься на мою дерзость или хочешь вынудить у меня любезность?

— Ни то ни другое, но я желала бы знать: чем меня можно купить?

— О, я думаю, можно!

— Чем же?

— Ну, например, хоть той ценой, какой покупали любовь Клеопатры.

И это сравнение с египетской царицей не только не оскорбило Фаволию, но, напротив, так ей польстило, что она рассмеялась и не стала опровергать цинических заключений Орбелия о всеобщей продажности в Риме. Но за честь римских женщин заступился скучный философ Булаций, который заметил, что кто чего ищет, тот то и находит. А как его вмешательство было изрядною редкостью, то и тут на слова его обратили внимание и стали к нему приступать с шутливыми вопросами:

— Чего же сам ты ищешь и что ты нашел, велемудрый Булаций?

А хозяйка сказала:

— Не докучайте ему, пусть он дремлет или размышляет сам с собою о вещах, нам недоступных. Всякому и без ответа его не трудно отгадать, что Булаций ищет встретить в Риме такую красавицу, которая влюблена в своего мужа и настолько ему верна, что не уделит своей ласки никакому победителю и ни за какие сокровища. Мудрый Булаций встретит такую красавицу... во сне.

Над этими словами Фаволии все засмеялись, но Булаций спокойно перенес общий хохот и, скучливо зевнув, протянул:

— Да. Я встретил такую женщину, и это было не во сне, а наяву, и притом эта женщина, о которой я говорю, верна своему мужу, и за добродетель ее можно ручаться, хотя она вовсе и не влюблена в своего мужа.

— В таком случае она, верно, дурна собой?

— Она прекрасна так, что с нею немногие в мире могут поспорить.

— В таком разе назови нам ее имя!

Булаций назвал Нетэту.

VI

И едва было произнесено это имя, как все заговорили о Нетэте и выражали общее удивление, что они до сих пор позабыли об этой женщине, красота которой удивительна не менее, чем ее честность. При этом хотя были выражены различные мнения о ее красоте, но все сходились в одном, что Нетэту надо считать не только одною из красивейших женщин в Риме, но что она, кроме того, представляет собою редкостнейший феномен, так как она никогда не отвечала ни на чьи искаательства и остается верною мужу, который годами ровесник ее отцу и притом имеет волосатый лоб, напоминающий скифа.

(На Деция Мунда восторженные речи о Нетэте производят действие искры, зажигающей порох. Промежуточные главы, которые или не были написаны, или не сохранились до нас, должны были показать историю молодой бурной страсти воспламенившегося патриция. Очевидно, увидев красавицу при первой же возможности, Мунд исполняется непре-

одолимым к ней влечением, ищет ее, совершенно потеряв душевное спокойствие. Мы располагаем только отрывками страстных поэтических воззваний, звучащих, как песни, какие, видимо, обращает влюбленный к своей пленительнице в минуты кратковременных встреч. В этих любовных репликах Лесков, очевидно, вдохновляется подлинниками римских поэтов.)

[Текст в скобках, набранный курсивом, принадлежит А. А. Измайлову, осуществившему публикацию повести по отрывочным записям Н. С. Лескова из архива журнала "Нива" в "Невском альманахе" (Пг. 1917. Вып. 2)]

Как я увидел тебя такой нежной, Тибулл закричал мне: вот то копьё, что увязнуть должно в твоём сердце! И что он сказал, то и случилось: я уязвлен тобой, я жить без тебя не могу, исцели или убей меня скорей, Нет-эта!

Пробовал я пить вино, чтобы вином рассеять томление страсти, но в слезы мне страсть моя превращала вино.

Нынче горек мой день, и тень еще горчее
ночная. Время все скорбью объято. Не помога-
ют элегии мне, и даже всех вместе муз с са-
мым Аполлоном выгнал бы вон, чтобы они не
мешали мне скорбеть о разлуке с Нетэтой.

Купидон меня ранил насмерть, я страдаю
жестоко и питаю болезнь мою горем моим -
так эта боль мила мне. Смолкни, Прохита,
чтобы ко мне опять не ворвались рыданья.

Я весь в огне, в груди торжествует свою по-
беду Амур, Постель жестка мне. Всю длинную
ночь я напрасно стараюсь уснуть, и болит
мое утомленное тело.

Разве чрезмерны мои желания? Я прошу
только того, чтобы меня полюбила женщина,
красота которой возбудила во мне неукроти-
мые желания ее любви. Я не выпрашиваю ее
себе навсегда... Это много, но пусть она любит
меня хотя от одной зари до другой... О, боги-
ня, услышь же хоть эту молитву.

*(Мунд томится в неразделенной любви и
подсылает к Нетэте доверенных женщин.)*

Было жарко. Солнце перешло за полдень.

Он лежал на постели согнувшись. Одна половина окна была открыта. В комнате был полумрак, как в тенистом лесу на рассвете, когда ночь проходит, а день еще не настал. Ныл египетский голубь...

-- Отнеси эти дощечки (*Нетэте*). Пусть она напишет на них свой ответ... Только чтобы не был он краток... Я хочу услышать от нее много слов... Нет!.. Лучше пусть она скажет одно только слово: "приду".

Дерево протягивает мне сучья, чтобы я повесился; в лесу я слышу жалобный голос совы, и на опушке роци палач готовит кресты для чьей-то будущей казни.

Я без ума от ее красивой походки, ее суровость мила мне... Как она пьет, и каждый глоток бежит в ее горле!.. Что за дивные пальцы у ней на руках и какой гибкий голос! Как воздымается грудь у нее и что говорят ее брови! Я хочу умереть от этой женщины, рожденной для моего мученья!

(Без сомнения, между любовниками происходит не одна встреча, не одно объяснение. По крайней мере один раз пылкий любовник заяв-

ляет настойчиво свои права любящего, но встречает отпор в целомудрии чистой женщины.)

-- Так вот это кто, бесстыдный и наглый, кто каждую ночь к притолкам двери моей воровски прикрепляет цветы!

-- Да, это я... я этот вор и могу быть хуже, чем вором! Я готов унижать себя всячески перед тобою, я не смущусь на коленях среди бела дня ползти к твоему порогу, лежать у него простершись в пыли или биться до смерти головою о твою дверь!..

-- Ты краснеешь... Тебе, может быть, жарко? Ты, может быть, позволишь мне навевать на тебя прохладу твоим веером.

Обнимает, она его бьет по лицу и царапает щеку.

-- О, ты подняла руки... ты меня бьешь и царапаешь. Этим ты на пожар приносишь огонь, и не я виноват, что твое платье пришло в беспорядок и скользит с плеч твоих ниже... Я пользуюсь тем, что открыто теперь взорам моим.

И он взял ее за плечи так, что она вся отки-

нулась назад от боли, и, поцеловав ее много раз кряду, бросил ее на помосте.

На плечах ее были знаки всех пальцев, и там, где приходились ногти, выступала кровь.

(Убедясь, что все тщетно, Деций прибегает к последней мере. Зная религиозность Нетэты, он подкупает жреца храма Изиды Храма с тем, чтобы тот подстроил ему обладание Нетэтой ценою золота. Прекрасную патрицианку надо только убедить, чтобы она согласилась провести ночь в храме Изиды, может быть, отдав себя неземным ласкам бога Анубиса. Храм исполняет обещание и внушает Сатурнину и Нетэте, что именно Нетэта избранница бога. Наивно верующая, целомудренная женщина покорно принимает волю неба и добровольно подчиняется всему ритуалу, какой должен предшествовать разделению ею ложа небожителя. Быт жрецов, храм, народные поверья, картина приготвления с самого привода ее коварным жрецом к святилищу Изиды воскресает из сохранившихся отрывков.)

На широких и довольно грязных ступенях закрытого вихода сидели нагие мальчики и предлагали входящим женщинам покрытые воском гадательные таблички, которые получали для продажи от жрецов храма и платили денежный взнос за право продавать таблички у вихода. Женщины, купившие табличку, писали на ней вопрос, на который желали получить ответ от прорицающего оракула, и, положив на дощечке свою мету, подавали ее храмовому служителю, который уносил ее в святилище, где табличку принимал жрец, имевший непосредственный доступ к богине. И табличка целую ночь оставалась у "святейшей матери", а на другой день служители возвращали их приносительницам, из которых каждая узнавала свою табличку по заметке, которая была ею сделана.

Нетэта купила себе табличку и, получив с ней вместе от продавца рыбий зубок, вставленный в тростинку, написала на воске -- не вопрос, а одну свою метку, и в ответ получила стихи:

Пусть не дерзает никто уходить из-под

власти Амура

Или пусть знает, что он -- богу живет вопреки.

Поклонение египетской богине Изиде было очень распространено в Риме. Несмотря на то, что при Тиверии правительство не одобряло этого культа, женщины всех сословий наполняли капище "Великой Матери" и именовали ее "исцелительницей" и "всеблагопомощной". Жрецы ее казались очень простодушными, но были очень коварны: они распускали под рукою слух о чудесах и имели преданных и подкупных людей, которые разглашали о их благодеяниях, всегда умалчивая о их сборах, которые во много раз превосходили раздачу. Жрецы других капищ негодовали на Изидино капище, но должны были молчать, так как и у них дела шли по тому же самому плану, хотя не с таким совершенным успехом. Успех этот приписывали старшему жрецу "всеблагопомощной".

Жрец сказал (*Нетэте*), что она, как избранница бога, должна теперь соблюсти себя в сугубой чистоте, неприкосновенно от мужа:

он повелел ей сказать об избранье своему Сатурнину и три вечера брать ароматные ванны и проводить ночь одной в своей спальне с размышлением о сыне великой богини, а дни затем проводить в храме у трона Изиды... И она так и жила, соблюдая тело свое в неприкосновенной чистоте, а мыслью воспламеняясь к богу. И так прошло два дня, и когда она ушла на третий утром, то уже не должна была в этот день возвратиться, ибо в ночь, следовавшую за этим днем, ей надлежало принять в свои объятия бога Анубиса.

И она ушла в этот день так же, как и в два первые дня рано утром, приняв ароматную ванну, и провела весь день одна в уютном покое за статуей святейшей богини, в непрестанном ожидании бога, но Анубис не приходил до вечера, и Нетэта должна была остаться в храме и видела здесь первые сумерки, и ужасалась, и стыдилась своей слишком легкой льняной одежды.

(Не без трепета и не без смутного непреодолимого беспокойства выходит Нетэта в роковой день из дома.)

...Вот она готова покинуть свою тихую спальню и домашних пенатов и выступает на опасный путь. "Зачем ты исторгаешь отсюда меня, лучезарный Анубис? До сих пор я ничего не боялась, а теперь я в смятении -- сердце мое ноет, дух занимается, млеют руки, истомы в плечах и гнутся колени... Я хочу вся укрыться, потому что боюсь Зефира и Эвра, Борея и Нота... И все это из-за тебя. Из-за тебя мне должно бояться, потому что мне страшно... потому что... я боюсь... ты мне сделаешь вред..."

Она оглядывается на дом.

Поздно оглядываться на землю, когда отвязан канат и волны помчали корабль в открытое море...

(И вот она наконец у святилища таинственной богини.)

Хрем поднялся на ступени к истукану Изиды и, взяв систр [Систр -- род медных кастаньет, употреблявшихся в Египте при культовом служении в честь богини Изиды.] у ее

ног, воззвал к женщинам, державшим в руках свои приношения:

-- Благочестивые женщины! В воле святейшей богини есть то, чтобы сегодня и завтра алтарей ее не касалась жена, которой миновавшей ночью были даны от Венеры восторги... Сложите свои приношения там, на руки благочестивого брата Фаона, и пусть только та подойдет к алтарю святейшей, которая провела ночь одиноко!

Все отошли к Фаону, а осталась с дарами на руках только одна Нетэта...

Он ее осенил воскрылиями своей широкой одежды и, потрясая над ее склоненной головою мелодический систр, похвалил ее целомудрие и сказал ей, чтобы она хранила себя в чистоте и вторую заветную ночь и дал ей небольшое изображение Изиды, лежавшее долго у ног великой статуи, и заветал не касаться его иначе как чистой рукою, в одной только льняной одежде и с помышлением о боге Анубисе в сердце.

-- Он тебя, дочь моя, за все наградит.

(В присутствии ее старый Хрем возносит за нее моления богине.)

-- Прими, о богиня, сей ладан и мирру и устрой, о, святая, да примет из смертных чистейшую -- сын твой, Анубис, в свои божественные объятия. Дай ей силу снести его божественное приближение к ней, и да не опалит ее огонь его избрания... О, Анубис, услышь!.. Покройся желтой одеждой блаженства и нисходи, она уже готова... Она тебя ждет в легкой льняной тунике... и стынет от страха... Не утомляй ее больше... Сходи к ней с высот, она жаждет огня и сама запылает, как пышущий камень алтарный.

Он входит; она молится, Хрем отходит. Благонья трещат -- туман и головокружение. Она чувствует, что она пьяна...

А когда стало темно, завеса ее дверей всколыхалась, и она думала, что это Анубис, и в страхе упала на колени и закрыла руками лицо. Но это был Хрем, который принес ей питье в глиняном жбане, и, когда она напилась, он покрыл ее своею широкой одеждой и потряс над ее головою медный систр, издавший

при этом потрясении приятные и отуманивающие звуки. Затем она не заметила, как Хрем удалился, и пришла в себя, казалось ей, очень не скоро и в чьих-то объятиях.

VII

(От центральной и весьма ответственной сцены схождения бога на ложе женщины уцелел только малый отрывок, где Деций умоляет красавицу Нетэту помедлить с уходом с наступлением утра.)

...И Анубис ей прошептал:

-- Смертная! К мужу ты должна возвратиться!..

-- О, не говори мне!.. Я знаю! -- отвечала громко и с негодованием Нетэта.

-- Но ты должна мне сделать одно.

-- Все, что ты хочешь!

-- Поцелуев таких, какими меня целовала, не расточай Сатурнину!

-- О!

-- Обещай мне!.. И помни!.. Я ведь сольюсь со тьмою и буду следить за тобой!

-- Ты будешь возле меня?

-- Да, и если... ты его так поцелуешь, я тогда крикну: "Это мой поцелуй!"

-- Ты меня губишь: я нарочно могу это сделать, чтобы услышать близ себя голос твой...

Что?.. Ты смущен... Не смущайся же!.. Нет... Я и в шутку так шутить не хочу и... бери же скорей от меня все мои силы и вынь из меня весь огонь поцелуев!

Тут опять на темных крылах опустился над нею сон молчаливый.

И не боялась овца безответная хищного волка... Встала впотьмах и, боязни исполнена, щупает путь босыми ногами, а обнаженные руки меж тем простирает в пространство, и вдруг снова в объятиях, и снова объемлет сама, и шепчет в перерывах лобзаний:

-- Помедли!.. Останься со мною, пока взглянет Аврора!.. Я не могу тебя отпустить... Я тебя видеть желаю и... если за это я должна заплатить моей жизнью, то возьми мою жизнь, как ты взял мой стыд и... то, что я до объятий твоих называла любовью к мужу!..

(Женщина ушла счастливая, в сладком незнании, из храма, от объятий Анубиса. Что вскрыло перед нею тайну ее позора? Сам возлюбленный, очевидно, продолжавший искать ее вновь с повышенной страстной тоской. В одну из встреч с нею он выдает ей тайну, по-

вторив несколько ее слов из ночной беседы с мнимым Анубисом.)

-- О велемошная Изида! Молюсь тебе и твоему высокочтимому сыну, сладчайшему Анубису! Помоги мне, богиня, в моих предприятиях! Смягчи сердце моей новой повелительницы! Сделай так, чтобы она мне позволила любить ее.

И когда я это сказал и упал ниц перед извращением богини Изиды, она движением головы сделала знак, что молитвы мои ею услышаны и жена Сатурнина будет любить меня.

-- Никогда! -- закричала Нетэта.

-- Будет любить и теперь уже любит меня! -- повторил Деций Мунд.

-- Ты -- нахальный безумец!

-- Ах, нет, я не безумец, хотя, по правде сказать, кто не сошел бы с ума, услышавши из уст милой Нетэты в конце с нею проведенной ночи: "Не уходи... Зачем тебе стыдно вместе со мною встретить Аврору?"

-- Что?.. Что говоришь ты! -- вскричала, смутившись, Нетэта.

-- О, Аврора! Аврора!.. Пусть твоя колесни-

ца опрокинется в густом тумане!.. О, тише, медленней, тише идите, кони ночи!..

-- Что это?.. Что? -- отступила от него в ужасе Нетэта, а он становился все наглее и дерзче и наступал на нее, дерзко глядя ей в глаза и повторяя:

-- О, светлый Анубис!.. Анубис!.. Ты бог!.. Я верю... Я знаю!.. Я всем существом моим ощущаю твое божество, но для чего так бессовестны твои поцелуи!

Этого больше не могла снести Нетэта и, закрыв уши руками, вскричала:

-- Измена! Измена!.. Ты был в засаде!.. Подлый, презренный, дрянной человек! Ты таился во тьме, как шакал, и считал поцелуи, которых тебе самому не пришлось получить...

-- Оставь, оставь это! -- остановил ее с насмешкой Мунд. -- Я получил все, что хотел, и притом с хорошей уступкой!

-- О, я убита!..

(Чистая патрицианка действительно убита и потрясена. Она сама не своя, она не находит нигде покоя, готова наложить на себя руки. Она не может скрыть ничего от своего

мужа, и сама сообщает ему о своем безысходном позоре, и тот в своей сухой беспощадности готов отвергнуть ее и удручает ее педантическими упреками.)

-- Кто хочет иметь верную жену, тот прежде всего должен позаботиться, чтобы она не была красива. Я боялся всякого на тебя устремленного глаза, и, когда кто-нибудь на тебя прилежно смотрел, я плевал себе за пазуху, чтобы взгляд этот не был причиной страданий для моего сердца. Когда ты была больна, я тебя спас для себя силою своих обетов пречистой. Я обходил твою постель на коленях и в ладонях своих сожигал за тебя ароматные смолы. Я молился о тебе и ходил десять дней в распоясанной тунике, чтобы ты осталась жива для меня... И вот для кого ты осталась моими мольбами!..

(Сатурнин, очевидно, доводит жалобу до цезаря. Деций Мунд схвачен и заключен в темницу. Его ждет казнь. Но не легче и тем, кто живет в доме Сатурнина. Может быть, впервые теперь Нетэта видит, что в отношении

к ней мужа было больше эгоизма и самолюбивого довольства, чем истинной любви. Если не истинная любовь, то истинная страсть была там, когда она была в чужих объятиях, и она уже примиреннее готова взглянуть даже на своего оскорбителя.)

...Нетэта все слушала мужа в раздумье, уронив голову на одну руку, а другой шевеля волосами головы Сатурнина, а когда он окончил свои жалобы, она вдруг схватила обе свои руки и громко вскричала:

-- О, боги! о, боги!.. Если вы есть и если небо не пусто!..

-- Нетэта!.. Ты богохульствуешь! -- остановил жену Сатурнин.

-- Да, я говорю то, что я думаю, -- отвечала Нетэта. -- Ты плевал себе на грудь за туннику, чтобы у тебя не украли любви моей. Ты молился за меня и жег ладонь и еще что-то делал, все для того, чтобы я служила для твоих радостей... И если бы я не была обманута Децием Мундом, если бы бесстыдно целовал меня ночью в храме не он, а Анубис, то как бы было всем хорошо через меня!

-- Да!

-- И тебе, и моему отцу, и матери, и досто-
почтенному Храму!

-- Ах, да...

-- Да... О, будьте все вы далеки от моего
сердца, и знайте, что все вы мне даже против-
ней того, кто все это сделал... потому что для
него одного я сама по себе всего дороже...

*(На дальнейшем протяжении повести у
Нетэты является наперсница. Кто-то уте-
шает ее -- надо думать, Поливия, сестра на-
чальника казней, сочувствующая Децию Мун-
ду в его страсти, --дает ей советы не бежать
чувства, сжалиться и свидетелься с несчаст-
ным влюбленным, осужденным за нее на
казнь, но и эти советы не воскрешают Нет-
эты.*

*Видимо, сама растроганная, Поливия шеп-
чет ей.)*

-- Зачем ты так печально бродишь по
скучному берегу? Для чего ты одна и одежда
твоя до того в беспорядке, что даже и простая
белая повязка не сдерживает твоих распу-

ценных волос? Зачем ты так вздыхаешь и слезами портишь свои превосходные глазки? Камень и железо в груди у того, кто, это видя, может сносить без страданья.

Нетэта три раза хотела убежать, и три раза ее остановила Поливия, и она отвечала:

-- О, для чего тело мое не сожгли, когда я была чистой девушкой? Зачем меня отдали замуж? Зачем я верила богам, у которых нет рук, чтобы защитить свои храмы? Зачем я живу после того, что со мной было, за что я отвержена мужем и медлю расстаться с презренною жизнью, когда толпа указывает пальцем на мой позор!

-- Ты хочешь умертвить себя?

-- О, да!

-- И для чего?

-- Чтоб погасить тот стыд, которым отмечено мое лицо!

(От намеков и обиняков Поливия переходит к прямым уговорам повидаться с Децием -- все равно его ждет казнь, о встрече никто не узнает, а он, отдавший за нее жизнь, -- не стоит ли этой последней ласки! Нетэта ко-

леблется.)

Нетэта была смущена после разговора с Поливией, и в этот же вечер, когда возвратился домой Сатурнин, она имела более тяжкий для нее разговор с ним.

Грубый и малопонятливый Сатурнин, после дней смятения, пришел, утешенный, и объявил Нетэте, что Деций Мунд через день будет сожжен, а он, Сатурнин, получил теперь полную уверенность в том, что Нетэта находилась под влиянием злого очарования и сама нисколько не участвовала в том, что над нею случилось при коварстве бесстыдного Храма, которого за это повесят на кресте. Но теперь зато дух Сатурнина облегчен разрешением другого жреца, с которым он, Сатурнин, долго молился и принес в храме чистой Дианы жертву богам. И сейчас еще сожжет благовонья домашним пенатам и потом, когда все это сделает, он войдет к Нетэте с веткою мира и возвратит ей все права его жены, какими она владела до этой поры. И при этом он прошептал ей, что если она после этого будет матерью, то дитя ее будет считать за дитя Ану-

биса-бога.

Нетэта, выслушав это, стояла как бы окаменелая и была неподвижна. И когда Сатурнин пошел переменить свои одежды и сжечь богам ладан, то внутри в душе Нетэты в эти мгновения произошел очень большой перелом.

(Все глубже и глубже уходит Нетэта в анализ своих чувств к мужу и тому, другому, обжегшему ее пламенем своей страсти.)

...Нетэта, выданная замуж в возрасте детском, не знала любовных влечений к своему суровому мужу и хранила к своим супружеским обетам ненарушимую верность потому, что имела гордый нрав, не позволявший ей унижать себя до лжи и притворства и до разделения любви своей между двоими. Но случай с ней, бывший в храме Изиды, где она с чистотою своей девственной веры была предана беспощадному пылу страстных объятий бога Анубиса, познакомил ее с ощущениями, которые были ей до сей поры чужды. И душа ее, искавшая отмщения обиды, когда теряла

это настроение, не знала, к чему устремляться: все в ее жизни стало не тем, чем было прежде. Ее не только не огорчал гнев ее родителей, Пакувия и Атис, но и самая скорбь мужа ее Сатурнина. И негодование и ужас целого Рима, стремившегося разрушить алтари Изиды и избить Храма и других жрецов, казались Нетэте чем-то чрезвычайно малым и едва стоящим какого-нибудь внимания. Не все ли равно, было или не было это позорное дело? Мало ли их происходит и будет происходить на свете, пока он стоит, и живущие в нем люди будут жадно перебивать друг у друга все, что кому из них захочется, -- не разбирая, какую это им придется ценою!..

И к собственному своему унижению, которое она перенесла и рассказами о котором возбудила негодование цезаря и целого Рима, Нетэта теперь относилась так, что это могло бы быть вменено в вину ее целомудрию: это ее уже не гневило и не угнетало и не побуждало к мщению, а только томило, как стыд, заставлявший ее скрываться и избегать встреч и разговоров. Но всего более... ей было жаль этого человека... этого злодея... несчаст-

ного, которого сожгут за нее живого.

Она не знает до сих пор, можно ли его простить, но она не раз уже думала о том, что виною его гибели будет она и что если он страшно оскорбил ее целомудрие и отнял у нее удовольствие уважать свою чистоту, то она отнимает у него без сравнения большую ценность -- самую жизнь, без которой уже нельзя сделаться лучшим. И Нетэта находила, что и Поливия, и Ферора, над которыми произошли такие же беды в храме всеблагопомощной Изиды, поступили лучше, чем она, тем, что снесли в себе свое оскорбление и не вызвали гнева цезаря и общего негодования...

Конечно, может быть, если бы не молчали Поливия и Ферора и другие женщины, с которыми случилось то же... то, может быть, зло это давно было бы пресечено и Нетэте не пришлось бы страдать, как она нынче страдает, но тем не менее, если бы все это ей пришлось пережить наново -- она не бежала бы по улицам Рима, не рвала бы на себе одежду и волос, не царапала бы ногтями свои плечи и щеки и не вымаливала бы у цезаря мщенья, которое не возвратит уже ей утраченный покой в до-

ме, а только прибавит ей муку на муку оттого, что Деций Мунд будет замучен... Поэтому слова Поливии о том, что можно извинить его преступление жестокостью его страсти и можно о нем пожалеть, нашли отзыв в сердце Нетэты, а отсюда уже становился открытым путь к дальнейшему состраданию, доходившему до готовности уронить каплю милосердия на пылающий костер, который должен задушить своим дымом дыхание Деция и испепелить огнем его тело...

И вот теперь это все опять пронеслось, как прошумевшая буря, перед Нетэтою и представило ей супружеские ласки Сатурнина такими, какими они до сей поры ей никогда не казались... В них она уже не видела радостного возвращения ей прав жены и словно не верила в благословение богов, которым Сатурнин пошел сжечь щепоть благовонной смолы. Но ее охватывал страх, и в ушах ее раздавался запрет: "Смотри... или я в темноте закричу: это мои... это мои поцелуи!.."

(Потрясенная Нетэта бежит из мужнего дома, сама еще не зная куда.)

...Теперь она яснее всего сознавала, что самое тягостное в эту минуту было бы исполнение долга супруги, а самое желательное -- избежать свидания с Сатурнином, если он пожелает возвратиться в запертую спальню. Чтобы избежать возможных последствий этого свидания, которые вдруг представились ей несносными и превосходящими возможность всякого над собою насилия, Нетэта, не задумываясь вдале, бросилась к открытому окну и вышла из него на двор, где в одной из ниш стены догорала еще позабытая лампада, и огонь ее, вздрагивая от набегавшего ветерка, осветил ей выходную дверь на улицу. Дверь эта была полуоткрыта, потому что рабы, посланные за Исменой, поспешая исполнить как можно скорее данное им поручение, опережая один другого и друг на друга надеясь, позабыли запереть эту дверь. А когда возвратились с Исменой, то хотя и увидали свою оплошность, однако никому о ней не сказали и при известии о пропаже их госпожи еще тверже решились никому не говорить о том, что оставляли отпертою дверь.

Нетэта же именно пользовалась этой оплошностью слуг Сатурнина и вышла на улицу через открытую дверь, и это не было ею предумышлено, а случилось так, как бы волею рока, под силою которого она себя чувствовала и который будто руководил ею на самом деле.

Едва она вышла, не зная сама, куда направить хочет свои шаги, как к ней устремились из темноты две фигуры мужчин, искавших сообщества уличных встречниц, и стали хватать ее за одежды и приглашать ее идти с ними под портики храмов, и Нетэта узнала по голосу обоих людей, которые ей заступили дорогу. Это были Лелий-поэт и сенатор Помпедий, а за ними еще выступал двусмысленный Зет, и, чтобы скрыться от них, Нетэта быстро вырвалась из их рук и бросилась бежать в первую встречную улицу и бежала, поворачивая из одного переулка в другой, лишь бы скорее скрыться с глаз их, что ей и удалось. Но зато она и сама теперь не знала, в какой части Рима она находится и какою дорогою ей надлежало идти, чтобы возвратиться в дом мужа. Кроме того, она нисколько не думала о

том, чтобы спешить возвращением домой, и в своей роковой растерянности и мечтательности шла до тех пор, пока почувствовала сильное утомление и пожелала отдохнуть.

По рассеянности и волнению, которые оба имели свое место в потрясенной душе Нетэты, она не узнавала места, в каком находилась, и нимало об этом не тревожилась, а села под дерево и задремала, и тотчас же увидела, что под другим деревом, которое представилось ей невдалеке, стал весь обвитый молочным туманом бог Пан, и он стал к ней приближаться и обнял ее и успокоил в своих объятиях, в которых ей было и стыдно, и приятно. И Нетэта проспала здесь под деревом, пока взошло солнце, и когда она проснулась, то увидела себя на прекрасном поле, покрытом сочною травой и немногими, очень красивыми деревьями. Она легко узнала теперь то дерево, под которым видела Пана, берегшего ее в своих объятиях во время ее сна и наводившего на нее приятные сновидения своею игрой на цевнице.

Нетэта была укреплена этим сном и смущена им, так как бог Пан был отцом многих

сатиров, и ей было досадно, для чего так с той поры, как она сделалась предметом исканий Деция Мунда, ее со всех сторон наяву и во сне окружают соблазны, и мир человеческий весь показался ей исполненным бесстыдства, от которого она хотела бы скрыться. А как она была в таком состоянии, что не давала себе ясного отчета в том, что ей представлялось, и подчинялась первому влечению, которое ее охватывало и получало господство над ее мыслями, то она встала из-под дерева, где спала, воображая себя в объятиях Пана, и, пройдя среди стад, пасшихся теперь на лужайке, пошла берегом Тибра и все шла, не давая себе отчета, куда идет, и пришла в полдень к незнакомому пыльному гроту, где и села в темном углу, чтобы укрыться от полдневного жара.

Тут она пробыла в полузабытьи довольно долгое время, и все опять была не в сознании того, что хочет сделать и что с ней происходит, и опять видела в знойном воздухе Пана, который, улыбаясь, дремал под стеною пыльных развалин и свирель уронил на косматые ляжки. В этот раз Пан привиделся Нетэте пе-

ред тем, как она пробуждалась, и тотчас же исчез при ее пробуждении, а в это же время она услышала, что в другой стороне грота, противоположной той, откуда она вошла, раздавались людские голоса и удары мотыг и секир, посему следовало догадаться, что там шла какая-то спешная работа.

Не желая выходить снова на ту же местность, где сторожил ее неотступно преследовавший ее Пан, Нетэта предпочла выйти из грота через ту сторону, откуда слышались стуки инструментов и голоса рабочих. Она встала и пошла на эти звуки и шла довольно долго в совершенной темноте, причем ей не раз казалось, что работа происходит то с боков коридора, которым она проходила, то сверху над ее головою, и даже своды трещали, и сыпались плесень и пыль. Наконец в глаза Нетэте мелькнул свет, она приблизилась к выходу и увидела, что множество рабочих разрушают остатки какого-то большого здания, и тут она узнала местность и поняла, что разрушенное здание, от которого уцелел только один угол портика, есть именно тот самый храм богини Изиды, где совершенно по-

ругательство над бедной Нетэтой.

По повелению Тиверия он был разрушен
неимоверно скоро -- всего в восемь дней, -- и
теперь от него оставался один только угол
портика, к колоннаде которого прямо вел тот
проход, которым дошла сюда Нетэта, и, идучи
далее, она поднялась этим же ходом на верх
просторного фриза и тут увидала опять много
людей, трудившихся над какою-то непонят-
ною для нее работою, и опять сошла вниз, ни-
кем не замеченная, и тут неожиданно встре-
тила Поливию.

Это уже был вечер, и Поливия вышла, что-
бы подышать вечерней прохладой. Она была
грустна и задумчива и удивилась, увидав Нет-
эту, о которой уже знала, что она скрылась из
дома мужа.

Поливия обратила внимание на внеш-
ность ее убора, который был в беспорядке, и
на замученный вид и сказала ей:

– Так как мы возле дома, где я живу, и тебе
нет надобности попадаться всем на глаза, то
войди ко мне, отдохни и подумаем вместе,
что тебе предпринять далее.

Рассеянная Нетэта последовала за Поливи-

ей и вступила за нею в дом, не зная, что это был дом брата Поливии, роскошного Фурния, который, прожив четыре наследства, служил теперь начальником всех тюрем и распоряжался устройством казней. По этой должности своей Фурний теперь был занят приготовлением казней для виновных в оскорблении Нетэты. Под надзором Фурния происходило спешное разрушение капища Изиды, и он же должен был приготовить сложную операцию казни, которую предначертано было совершить таким образом, что место, где стоял храм Изиды, должно быть расчищено и от всего здания на время будет оставлено только несколько колонн с куском фриза. Посреди площади, на которой стоял храм, должен лежать сброшенный с подставы кумир богини Изиды, а кругом его надлежит поставить восемь деревянных крестов для жрецов Храма, Кадема, Балласа, Фундания и Фуфиция, для Пеона-прислужника, для Менекрата, возжигателя курений, и для старой Иды. А наверху, в фризе колоннады, должен быть сложен костер, на котором будет сожжен Деций Мунд. И когда будут распяты жрецы и служители

храма и старая Ида, тогда у всех на виду загорится высоко на фризе костер, посреди которого у столба будет прикован Деций Мунд. И когда все казненные будут терзаться при назначенных им орудиях казни, тогда потащат канатом к берегу Тибра старую Иду и сбросят ее в воду, а потом подшибут колонны, на которых до времени держится фриз, и этот остаток храма Изиды обрушится и смешается с остатком виновных. Все это вместе, без разбора, тоже будет брошено в воду и снесется волнами Тибра в море.

Поливия рассказала Нетэте об этих приготовлениях, думая, что ей будет приятно узнать, как строго будет отомщено поругание ее супружеской чести, но Нетэта выслушала это сообщение равнодушно и потом сказала, что она себя не понимает, потому что ранее, когда она только что узнала о совершенном над нею обмане, она испытывала ненасытную жажду мщения, и потому так настоятельно требовала кары виновным у цезаря. Но с тех пор, как она знает, что они все погибли, она находит в своем сердце к ним даже сожаление.

Поливия же ей ответила удивлением и спросила:

-- Ты не видала ли Грецины или Юлии или других пустомелей из родных или из приятелей Друза?

И тут рассказала, что Грецина и Юлия наслушались каких-то чужеземных пустяков от присланных из Палестины бродяг [То есть христиан.], у которых нет гордости своими предками и нет желания мстить за себя, а напротив, они не почитают за стыд снести обиду и даже спешат сделать добро тем, кто им делает зло.

-- Я не знаю никого из этой семьи, -- отвечала Нетэта, -- но я чувствую, что, если бы кого-нибудь из них встретила, я бы их полюбила и...

-- Может быть, сама сделалась бы точно такую же, как они? -- перебила Поливия.

-- Может быть, -- отвечала Нетэта, -- но, во всяком случае, я не пошла бы просить цезаря о том, чтобы моя обида стоила жизни людям, для которых брат твой готовит кресты и костры, и теперь я чувствую, что я должна идти к

цезарю и просить для них пощады.

VIII

И сказав это, она быстро повернулась и ушла от Поливии так скоро, что та не могла ее удержать. Но вскоре Нетэта возвратилась, и Поливии показалось, что в это недолгое время, пока она была в отлучке, с нею произошла очень большая и страшная перемена. И до той поры сильно возбужденная и измученная беспрестанною сменою душевных волнений, она теперь воротилась еще более расстроенною, и хотя падала от усталости, но обнаруживала огромную энергию и волю.

Она объяснила Поливии, что ее не допустили к императору и что все даже смеялись над ее намерением изменить приговор, исполнение которого назначено на завтра, и теперь этого зрелища ждет целый Рим.

-- Это так и должно быть! -- сказала Поливия.

-- А я думаю именно, что это так не должно быть! Я ненавижу себя за то, что все это наделала, и если бы это было можно, я сама умерла бы вместо этих людей, которых будут распинать на крестах или сжигать на кост-

ре.

-- Вот именно, я думаю, вместо того, кто будет гореть на костре? -- пошутила Поливия.

-- Да, это ты не ошиблась. Те, другие, жалки, но они делали дурное дело за деньги, и поэтому мне их меньше жалко, но Деций Мунд несчастливеец... Он сделал все, отуманенный страстью, которой не должен был дать в себе разгореться, но он ведь римлянин -- где ему было взять стыдливого целомудрия?.. Моя красота погубила его, и я ее ненавижу и никогда не буду ею радоваться, потому что всегда буду помнить, как тяжело страдает за нее человек, который знает, что завтра его сожгут за меня.

А Поливия отвечала Нетэте, что она напрасно думает, будто Деций Мунд очень страдает в ожидании завтрашней казни.

-- Напротив, -- сказала она, -- он счастлив!

-- Ты говоришь невозможное! -- отвечала Нетэта.

-- Нет, я говорю именно то, что и есть. Деций Мунд ведь здесь, в этом доме, и я брала ключ от его помещенья у брата и входила к нему после того, как ему объявили решение...

-- Ну, и что же с ним было?

-- Он улыбнулся и сказал очень ласково: "Что ни придумаете -- это все будет мало за то, что я сделал, и я хотел бы еще раз гореть, если бы мог, задыхаясь в дыму, крикнуть Нетэте: "Я любил тебя, Нетэта!""

Нетэта ощутила на себе странное впечатление от этих слов и, окинув Поливию взглядом, исполненным страдания, простонала:

-- Это жестоко!.. Зачем ты мне это сказала!

И когда Поливия захотела узнать, почему эти слова произвели на Нетэту такое впечатление, она сказала ей:

-- Боги слишком немилосердны ко мне, потому что я сама не в состоянии определить моих чувств! -- И вслед за тем рассказала, что она не рада тому, что должно бы ее радовать, и мало теперь сокрушается о том, что должно быть для нее всегдашним сокрушением.

-- Словом, -- сказала ей Поливия, -- твой гнев за оскорбление, которое нанес тебе Деций Мунд, утихает, и ты не радуешься его казни, которою он должен пострадать за твою честь?

-- Я позабыла уже о себе и ужасаюсь того,

что определено сделать над этим несчастным!

Поливия обняла ее и сказала ей:

-- Вот ты теперь больше женщина, чем римлянка, и за то ты можешь получить такую радость, какая недоступна жестокому сердцу.

-- Ах, я рада бы сделать все и даже готова пожертвовать собою, чтобы только спасти его от жестоких мучений.

Поливия же ей отвечала, что освободить Деция Мунда от назначенной ему казни уже никто не может, так как эта решил император и весь Рим ожидает зрелища, но что от Нетэты зависит облегчить Мунду муки казни и, может быть, даже сделать ему их отрадными.

Нетэта захотела знать, как это может быть. Поливия сказала, что Деций Мунд не обнаруживает никакого страха перед ожидающей его казнью, но выражает сожаление только о том, что умрет, оставляя гнев на себя в сердце Нетэты.

-- Если ты можешь сказать ему правду, то передай ему, что я его прощаю! -- проговори-

ла Нетэта.

А Поливия ей отвечала, что она, надеясь на добросердечие Нетэты, уже говорила об этом Децию, но он ей не поверил.

-- Почему же?

-- Потому, -- отвечала Поливия, -- что он считает себя слишком много перед тобою виноватым и жизнь свою почитает слишком ничтожною ценою за твой гнев...

-- Несчастный! -- прошептала Нетэта и, подумав немало, добавила: -- Если бы я могла его видеть, я бы сама ему сказала, что в моем сердце нет к нему гнева.

-- О, тебе бы самой он, конечно, поверил! -- отвечала Поливия. -- И я на твоём месте не отказала бы ему в этом утешенье.

-- Но где же я могу сказать ему это слово?

-- Тебе это стоит захотеть. Деций Мунд ведь заключен в том самом доме, где живем мы -- я и брат мой, промотавшийся Фурний, от которого зависят тюрьмы и казни, палачи и вся тюремная стража. Брат был близко знаком с Децием Мундом в прошедшее время, когда проживал свои богатства, и теперь он сожалеет Мунда и, как может, облегчает для

него жизнь в заключение. Осужденный свободно приходит в наше помещение и гуляет в нашем саду, связанный одним честным словом, которое взял с него Фурний. Брат целый день сегодня имел много хлопот, и вечером он хочет дать себе отдых -- поиграть в кости и побеседовать с друзьями, и потом, конечно, у них будет долгий ужин. К этому ужину, признаться, зван был и Мунд, но он отказался. Он сказал им, что не расположен веселиться перед смертью, и брат посмеялся над ним, что он, может быть, хочет "побыть с Юпитером", а Деций, чтобы отвязаться от этих разговоров, молча пожал руку Фурния и после сказал мне тихо, со вздохом: "Пойми хоть ты меня, добрая Поливия, что я нуждаюсь не в забвенье и не в Юпитере, а в том, чтобы побыть в душе моей с..."

-- Не договаривай! -- перебила, отстраняя ее от себя, Нетэта.

-- Ты догадалась, о ком он хочет думать?

-- Оставь!.. Оставь это!.. Я догадалась!..

-- Это ты... Нетэта!

Нетэта взялась за сердце и сказала:

-- Ты таки договорила!.. Ну, и что же даль-

ше?

— - Дальше?

Поливия обняла Нетэту и стала говорить ей на ухо, что брат ее, Фурний, и его беспечные гости теперь уже начинают собираться и будут пировать, пока упьются, и настанет время их разносить по домам. А Деций, который отказался от пира, теперь, конечно, находится один в саду. Он так сказал Поливии, что в эту последнюю ночь не станет томиться под кровлей, а проведет ее в уединении на дерновой скамье, под большим старым дубом, чтобы окинуть быстро летящей памятью все свою протекшую жизнь, которую он отдает за свою любовь к Нетэте.

— - И вот, — заключила Поливия, — зайди ко мне, и из моей комнаты ты можешь его видеть... А если желаешь оказать ему еще более участия, то можешь сойти к нему туда и сказать ему утешительное слово, после которого ему будет не страшно взойти на ожидающий его костер.

Говорили же они все это на ходу, подвигаясь шаг за шагом к дому, где жила Поливия со своим братом и где был теперь Деций, для ко-

того наступила последняя ночь перед определенной ему мучительной казнью.

IX

Нетэта, выслушав приглашение Поливии, ничего ей не отвечала, но тихо следовала за нею, не освобождая себя от руки, которою Поливия обнимала ее стан, а другою рукою держала в ладони ее похолодевшую руку.

Так они обе подошли к дому, и Поливия переступила заветный порог, а Нетэта остановилась и в молчании бросила на нее взгляд, полный мучительной тоски и неведения, на что ей решиться.

Поливия освободила ее руку и сказала:

— Я тебя не склоняю на злое... Но если ты хочешь оказать милосердие тому, кто завтра должен стореть...

Нетэта затрепетала и твердо вошла за Поливией. И после этого произошло нечто такое, на что, кажется, отнюдь не рассчитывала сострадательная и кроткая Поливия, которая была тронута страданиями Деция Мунда и ввела Нетэту в дом свой в такой надежде, что она облегчит нравственное мучение Деция, высказав ему прощение и примирение. Но на деле случилось иначе. Находившаяся в край-

нем возбуждении Нетэта, как только вошла в дом Поливии, казалась как бы потерянной и горестно говорила: "Я погибла, погибла!" А потом, когда Поливия стала ее ободрять и подвела ее к окну, из которого было видно большое старое дерево, а под ним стоял в задумчивости Деций Мунд, то Нетэта задрожала и начала жалостно плакать, причитая:

-- Не жестоки ли боги к несчастной!.. Для чего опять вижу Пана!..

И как при этом Нетэта дрожала и все существо ее выражало страшное потрясение, заставившее Поливию встревожиться за ее рас­судок, то она сказала ей:

-- Это вовсе не Пан, а Деций Мунд, который, к не счастью, должен доказать, что он смертен. Не падай духом и не плачь, а поди к нему и скажи, что ты прощаешь ему свою обиду, и скорбь его будет облегчена, и он умрет спокойно, не обнаружив страха.

И когда Поливия это сказала, к ней подошел один из доверенных рабов ее брата и стал спрашивать у нее распоряжений для подаваемого ужина, а Поливия отвечала ему, что она тотчас придет, когда ее зовут, и пода-

ла Нетэте ключ, сказав, что этим ключом она может отпереть дверь, выходящую в сад, и снова запереть ее после свидания с Децием и удалиться, оставя ключ на столе в покое Поливии.

Затем Поливия вышла, а Нетэта колебалась, идти ли ей или не идти, чтобы сказать свое прощение Децию Мунду, и наконец сделала то, что было для нее всего опаснее, то есть взяла ключ и вышла.

Деций же Мунд ничего об этом не знал и, конечно, не ожидал видеть Нетэту, но видел ее в очах своей души, которая была полна ею. Ибо с Децием с тех пор, как он имел успех в храме Изиды, действительно произошел большой и резкий перелом. Деций не ощущал страха смерти, но, расставаясь с жизнью, стал понимать ей цену и назначение не в том, чем наполнял ее до сего времени, ища одной славы и удовольствий, которые мог приобретать при своем богатстве и бессердечии. Он не сожалел, что жизнь его будет прервана на костре, но сожалел, что не испытал в ней тех лучших удовольствий, которых нельзя купить золотом, а можно было полу-

читать только улучшением самого себя до той степени чистоты, чтобы привлечь к себе любовь другого существа. И, доходя до таких размышлений, он сейчас же вспоминал о Нетэте -- и тогда сразу ощущал в себе два течения разносторонних терзаний. С одной стороны, это было незнакомое ему до сей поры сожаление к женщине, для обмана которой он сделал так много злых дел и явился виновником гибели многих людей и для ней самой тяжелого стыда и осмеяния; с другой же, ее детская доверчивость и чистота, благодаря которым и суеверию среды она сделалась жертвою его обмана, наводила Мунда на мысль о том, что нежный поэт Катулл понимал жизнь и что нет ничего смешного в его желании предпочесть тихую жизнь с доброю и целомудренною женщиною всем оргиям шумного Рима. И как скоро появлялась в нем эта мысль, так сейчас же в то время он вспоминал оскорбленную им Нетэту и начинал тосковать не так, как было ранее, когда он томился желанием победить ее целомудрие низким обманом, а теперь он вспоминал стихи Катулла, которые читал на память нежной

Лелии, и сам повторял их шепотом...

Грех не велик, если ей на теле, и стройном
и гибком,

Дерзкой рукой изомнешь туники воздуш-
ные складки,

Спутаешь волны кудрей и вмиг на чело
молодое

Тучку досады нагонишь с зарницами быст-
рыми гнева.

Кто же не любит смотреть на то, как с доса-
ды мгновенной

Слезы красавица льет?.. Но знай, что пре-
ступно и подло

Вызвать из груди ее поток безутешных ры-
даний,

Чтобы, беснуясь, она металась, кричала от
горя,

Чтобы ногтями своими себе же царапала
щеки.

Скиф необузданный тот -- преступный и
гнуемый, безумный

Изверг, кто милой своей такое нанес
оскорбление.

Боги сосступят с небес и тяжело его покара-

ЮТ.

(Так настроенная, Нетэта становится свидетельницей дружеского заседания в доме Сатурнина, где он в обществе близких обсуждает казнь преступнику и слышит советы гостей, беспощадных к несчастному.)

Над Децием Мундом совершилась такая судьба, какую ему незадолго пред этим событием предсказывал расточительный Персии, т[о] е[сть] Тиверий не захотел сам изречь приговора Мунду, а повелел отдать его во власть оскорбленного мужа обманутой Нетэты. И тогда польщенный этим Сатурнин нашел для себя достаточное утешение в такой милости кесаря и обнаружил большую заботливость, чтобы изобресть виновному казнь, достойную милостивого доверия императора.

А как Сатурнин сам был человек очень тяжелого ума и не надеялся найти под своим косматым лбом пристойных необыкновенному случаю соображений, то, чтобы изречь Децию Мунду казнь, которая понравилась бы кесарю и представила приятное зрелище на-

роду, а также была бы и достойна звания казнимого всадника и строго карала его безнравственное злодейство, -- Сатурнин созвал к себе на совет всех своих друзей, на чей разум и познания он полагался.

Об этом Сатурнин сообщил тестю своему Пакувию, теще и самой Нетэте, о которой он сожалел, и думал доставить ей утешение тем, что оскорбление ее будет наказано строго и оскорбитель поплатится за свое злое торжество жестокою казнью.

По зову Сатурнина, сделанному по всему Риму через разосланных невольников, вечером к нему собрались Горгоний-богач, Амфион, знаток светской жизни, Фуск, знатный мим, Лелий-поэт, Фурний-художник, Помпедий-сенатор, Булаций-философ и Мена-глашатай и другие, между которыми было немало людей, виденных нами в первый вечер у Фаволии.

Все пришедшие к Сатурнину возлегли у столов и только что начали было ужин, как у дверей послышался стук и пришел никем не приглашенный сюда двусмысленный Зет. Он был, по обыкновению, весел и, шутя, стал из-

виняться слегка, что пришел запоздавши, а сам меж тем, отодвигая встретившего его Сатурнина, прошел впереди его в столовую и оставил за собою незапертые двери, к занавесе которых вскоре подкралась и стала Нетэта.

Ее привело сюда любопытство, так как после разговора с Полибией сердце ее было беспокойно и она страстно желала знать, какой конец придумают умные люди тому бессознательному человеку, который положил начало ее ничем не облегчаемому стыду и страданию.

Нетэта тихо стала у этой двери за густой занавесой, которая ее скрывала и от которой она могла отступить во внутренние покои жилища; если бы кто-нибудь захотел подойти к этой завесе, то он бы не мог предупредить Нетэту так, чтобы она не могла скрыться. А потому она слушала сколько жадно, столько же и с уверенностью за свою безопасность.

Но рассуждения шли очень продолжительно, и одно мнение, сказанное в одном роде, беспрестанно встречалось с другим, совершенно противоположным, а иногда все это пересыпалось шутками, которые обиженно-

му сердцу Нетэты были несносны, и она приходила в негодование от того, как люди могут впадать в такой тон, говоря об оскорблении женщины и о вине человека, подлежащего за это тягостной каре. А присутствующие за столом Сатурнина все ели и пили и говорили то так, то иначе, как будто всякий не хотел первый высказать ясно то, что он думал, и все тяготились скрытностью другого. И так тянулось долго, пока двусмысленный Зет поглядел вверх сквозь окно, открывавшее часть неба, и заметил, что времени уже ушло много и скоро горластый петух станет будить бедных людей на работу.

При сем Зет окинул своими прищуренными глазами всех и сказал, что если бы кесарь так же неспешно решал все подлежащие ему дела, как решают это дело Сатурниновы гости, то в империи царил бы хаос, и тогда все стали чувствовать себя обязанными высказывать свои мнения как можно скорее.

Первый изрек свое слово сенатор Помпедий. Речь его была такова, что не надо выдумывать ничего нового для Деция Мунда, а следует держаться того самого, как кесарь ве-

лел поступить с виновными в обмане жрецами и наперсницей Идой, т[о] е[сть] повесить Деция на крест так же точно, как будут повешены его сообщники: Хрем, Кадем, и Фунданий, и Баллас-тайностроитель [Тайностроитель -- лицо, руководящее совершением религиозных таинств], и тщедушный Фуфиций, и Менократ, возжигатель курений, и прислужник Пеон, и сама трижды коварная наперсница Ида.

Но Амфион, знаток светской жизни, заметил, что такое решение едва ли будет угодно Тиверию, так как если бы он желал, чтобы Мунд умирал, вися на кресте, то он и не сделал бы для него исключения, в котором семья Сатурнина должна видеть себе образцовую милость, что потому для Деция Мунда надо придумать казнь в другом роде.

-- Казнь Деция Мунда, -- сказал Амфион, -- должна быть не крест, что было бы унижительно для него, как для римского всадника, но должно быть что-нибудь пожесточе креста, а что такое именно способно заменить в такой степени крестную смерть, об этом, --

сказал Амфион, -- я бы спросил совета у Фуска, который родился в жестоком германском народе и, наверно, видел у себя что-нибудь такое, чего ты не знаешь.

Мим же Фуск отвечал, что он в самом деле знает такую казнь, которой казнят у диких германцев. Это делают так, что собьют ящик такой величины, чтобы можно было всунуть в него человека, согнув его вдвое, и высунуть наружу в прорезь его голову вместе с ногами и так оставить его умирать у всех на глазах голодной смертью. Но этот совет всем показался неудобным по его продолжительности. Художник Булаций заметил, что народу, вероятно, больше бы понравилось, если бы Деция Мунда засечь гибкими лозами у дверей храма Изиды и в это же самое время начать разрушение храма. Предложение художника нравилось более, чем предложение Фуска. На эти слова отозвался Делий-поэт и сказал, что засечь гибкими лозами хорошо, что, конечно, пока будут сечь, во все это время будут слышны свистящие взмахи лозы и, может быть, вырвутся и стоны, а этого не надо. И потому лучше просто Деция сжечь живого на костре.

Это тоже чужеземная казнь, какой еще не видали в Риме, и это непременно всем понравится.

И за этим пошли собирать, кто из остальных к которому из этих трех мнений был склонен, и вышло всеобщее разномыслие, дошедшее до того, что, когда спросили красавца Руфила, что думает он, то Руфил отвечал:

— Я не могу рассуждать о прекращении жизни, которая не нами дана человеку, и мне кажется, что честь супруги хозяина дома, благородной Нетэты, не поругана тем, что ее обманули бесчестно, а если она поругана, то ее нельзя восстановить тем, что убьют человека.

Ему закричали:

— Ты слишком молод, Руфил, и это в тебе бродят пустые идеи. Это знакомство с Поливией, которая вхожа в дом Друза, где Грецина и Юлия привечают полоумных бродяг Палестины. Зло должно принять казнь, и вопрос только в том, что приличней или, лучше сказать, что будет угоднее кесарю: забить Мунда в ящик с головою, притянутой к пяткам, или засечь его лозами у храма, где он совершил свое преступление, или сжечь его на костре.

Руфил отвечал на это, что в таком разе его напрасно об этом и спрашивали, что, по его мнению, Деция Мунда надо бы было изгнать к кимврам [Кимвр -- представитель германского, (по другим сведениям) кельтского племени кимвров, вторгавшихся во II в. до н. э. в римские владения, но разбитых в 101 г.] или к скифам -- пусть бы там он обдумал свое преступление и исправил свое похотливое сердце, а если идет о том дело, чтобы его, уничтожить, то всего лучше представить выбор одного из трех предложенных средств...

-- Кесарю! -- воскликнули все, кроме Амфиона и Руфила, который ответил:

-- Нет, не ему, но той, которой всех больше коснулась обида. Я бы советовал предложить это все на решение самой Нетэты.

XI

Услыхав это, Нетэта вздрогнула и сделала движение, которое заставило занавеску заколебаться, но этого, к счастью ее, никто не заметил, и она осталась по-прежнему на своем месте и на мгновение позабыла слушать, что говорили по ту сторону завешенной двери.

Так поразили ее слова молодого Руфила, во многом согласные с тем, что сама она чувствовала и о чем думала после разговора с Поливией, и ей показалось, что здесь один только юный Руфил говорил лучше всех, так как все дело и вправду касалось ближе всех только самой Нетэты. Казнить или миловать могла бы она, но... если бы теперь ей предложить такое право, то... она бы присоединилась к мнению Руфила и... она не знает, что бы такое она решила.

Во всяком случае... мысли ее находятся с мыслями Помпони и Грецины, женщин из дома Друза, и ей нет никакого дела, что те научились всему этому от каких-то бродяг; Нетэта не послушала Поливии -- она не простила

своего обидчика, но и не подаст голоса за то, чтобы отдать его палачу, чтобы его скорчили и забили в ящик, или чтобы его повесили на крест, или зажарили живого на костре.

Нет, нет!.. Это не снимет позора с Нетэты и ее не утешит... Обида и гнев и даже снедающий стыд целомудренной Нетэты вдруг отступили от нее, и сердце ее сделалось доступно состраданию к врагу, у которого был свой еще больший враг -- его животная натура, омрачавшая в нем все добрые чувства и разум.

Если бы жизнь Деция Мунда была теперь в руке оскорбленной им Нетэты, она бы вывела его своею рукою за двери тюрьмы и сказала бы ему:

-- Иди... туда... далеко... и думай о том, что ты сделал, пока поймешь, как это дурно, и потом... будь другим человеком.

Это казалось Нетэте самым лучшим и справедливым решением, которому бы она была рада, хотя после такого решения ей бы нельзя было оставаться в Риме. Было много позорных, но ее стали бы почитать самую позорною, и от нее отступились бы и отец, и

мать, и сам муж -- словом, все те, которые думали, что вместо бога Анубиса к ней снизойдет не всадник, а повелитель полмира.

И ей от этого было не страшно, но дело решалось без участия Нетэты, и когда голова ее освободилась от пробежавших в ней мыслей и внимание устремилось опять к тому, что говорили советники Сатурнина, она услышала сладкую речь Амфиона, знатока светской жизни.

Он говорил, что Руфил очень молод и что этою молодостью и близкой приязнью с Поливией, вхожей в дом Друза, где принимают нищих бродяг палестинских, в самом деле объясняется вся его ни к чему не пригодная мягкость. Но что и ящик, и лозы, и крест тоже жестоко, и трудно сказать, что бы из них было лучше другого, и однако цезаря, всеконечно, об этом спрашивать нечего. Цезарь недаром себя устранил от этого дела и предоставил всю власть оскорбленному мужу. А вот что пришло теперь в голову ему, знатоку светской жизни. Пусть Сатурнин предложит самому Децию Мунду на выбор все три рода казни: голод в скорченном ящике, сечение до

смерти или пылающий костер -- вот пусть это будет иметь интерес для всего народонаселения Рима, и кесаря тоже, наверно, займет, что изберет себе Деций? И что он для себя изберет, то пусть для него и устроит как можно торжественней новоизбранный распорядитель всех казней, брат Поливии, расточительный Фурний, проевший четыре наследства.

Во мнении всех это предложение Амфиона, знатока светской жизни, было всех совершеннее, так как оно давало все, что нужно для наказания зла, для любящей зрелище толпы и для удовлетворения всех презирающего Тиверия.

Нетэта дослушала эту речь до конца, и тихо отступила от занавески, и ушла в свою спальню, и стала в раздумье перед открытым окном, в которое лился воздух тихой ночи и с неба смотрели звезды... И как раз над нею стояло теперь то же созвездье Пса, которое она увидела там... когда на мгновенье прояснилось было ее сознание, чтобы опять снова померкнуть и опять еще раз пробудиться от "бессовестных поцелуев", и опять помрачненье, и лепет, и ее просьбы помедлить, и его

заклятье не целовать так никого, или он закричит: "Это мой поцелуй!"

Ей показалось страшно... Чего же? Все ведь это разрушено: больше нечему верить. Тот, кто так бессовестно ее целовал, держа ее уши в своих нежных ладонях, был ведь не бог, не Анубис... простой смертный, которого властен казнить Сатурнин -- один, кто имеет право взять в ладони лицо Нетэты и целовать ее губы, и вот он идет к ней...

Сатурнин в самом деле проводил своих гостей, вымыл руки и, одев ночную одежду, вошел в спальню... Он сел и начал сообщать Нетэте, чего он будет просить у кесаря, и она слушала все это, что уже знала, и Сатурнин был рад спокойствию, которое в ней видел. Но когда он окончил о Деции Мунде, он сказал, что затем признает ее перед собой чистою и, как ни в чем не повинной, возвращает ей свое расположение.

Но эти слова Сатурнина вместо того, чтобы принести Нетэте радость, поразили ее тревогою, под влиянием которой она начала закрывать свои уши и, метаясь из стороны в сторону, уклонялась от объятий мужа, а напо-

следок впала в безумие и стала кричать:

— Нет, я слышу голос, который мне запрещает быть твоею женою.

И при этом тело ее трепетало и корчилось и на бледных устах показалась пена.

Сатурнин же, как не раз о нем сказано, был суеверен и понял это состояние жены за влияние напущенной на нее порчи, и вышел из спальни, заперев за собой двери, и послал двух рабов за старухой Исменой, которая умела отводить силу очарования. Посланные же рабы отыскали Исмену не скоро и привели ее только на рассвете. Сатурнин осмелел в присутствии Исмены и, открыв двери спальни, вошел туда вместе со старухой, которая брызгала перед собой с ногтя водою. Но приход их сюда был, однако, напрасен, так как они не отыскали Нетэты ни в том углу, где она, скорчившись, билась, избегая супружеских ласк Сатурнина, но и нигде ее не нашли, ни в спальне, ни в других помещениях дома, и это неожиданное исчезновение исполнило тревоги всех ее родных и дало новый и обильный материал для толков в Риме, которые немедленно же дошли и до слуха Тиверия.

XII

Поливия, передавая Нетэте о чувствах Деция Мунда, говорила неправду. Осуждённый на казнь всадник действительно показывал себя римлянином и не обнаруживал страха, но он далек был и от того идилического настроения, в каком представляла его Поливия и тем так взволновала подвижное сердце Нетэты, что та бежала из дома мужа и к одному проступку, в котором можно было не находить ее сознательной вины, прибавляла теперь другой, для которого уже не могло быть извинений.

Деций же Мунд хотел увидеть Нетэту еще раз, прежде чем настанет час его казни, и испытывал нежность от ожидания возможности этого свидания, которое взялась устроить ему Поливия. Но в чувствах его не было той почтительности и тех высоко поставляющих Нетэту размышлений, о которых ей говорила Поливия, а потому в словах Поливии было немало предательства, которое и повело к большим, даже для самой Поливии неожиданным, последствиям.

Когда Поливия высказала Нетэте то, что выше изложено, и привела ее в колебание, в котором та не могла уже устоять против соблазна подойти к Децию Мунду и говорить с ним, -- Поливия обняла стан Нетэты рукою и повлекла ее с каменных ступеней на дорожку сада, в конце которой все в том же задумчивом положении сидел под дубом на дерновой скамье Деций Мунд, издали принятый Нетэтою за Пана.

Нетэта хотя и ощущала большое смущение, но сопротивлялась Поливии слабо и как бы только для вида, а вслед затем и вовсе потеряла власть над своими поступками и подпала воле жестокого рока.

Это случилось оттого, что едва обе женщины успели пройти половину расстояния, отделявшего дом от дерновой скамейки, как Поливия услышала, будто ее позвал брат, и она, сказав об этом Нетэте, которая зова этого не слышала, быстро отняла свою руку от ее стана и убежала назад к дому, откуда ей слышался голос брата, а Нетэта осталась на том месте, до которого была доведена, и в потерянности своей не знала, что сделать.

Тогда из этого затруднения ее и вывел Деций Мунд, который как раз в эту минуту заметил Нетэту, покинутую коварной подругой, и, подбежав к ней и схватив ее за руки, стал быстро и нежно говорить из Овидия:

-- Когда раздается призыв приближающейся смерти -- лебедь выплывает на чистую воду и начинает свою последнюю песнь, и скользит, удаляясь в чащу влажного тростника у мелей Менандра [Менандр (342 -- 291 до н. э.) -- комедиограф, утонувший во время купания в гавани о. Пирея.]... И мне звучит труба смерти, и я имею блаженство видеть тебя и говорить с тобою, не смея надеяться на то, чтобы тронуть твое сердце моими слезами, но не избегай меня -- я завтра умираю.

Она не знала, что ему отвечать, а он начал благословлять богов, которые позволяют ему еще раз видеть ее, и благодарил ее за то, что она согласилась простить ему его дерзкое оскорбление, за которое он умереть должен завтра. И, не давая ей опомниться и сказать что-либо в ответ, Деций продолжал говорить, как актер:

-- О, если бы ты знала, как я теперь счастлив! Если бы ты знала, каким я блаженством считаю, что сгорю за мою любовь, которая сжигала меня страшнее всякого другого огня.

-- Мне противны эти безбожные речи! -- не удержавшись, сказала Нетэта и хотела освободить свои руки, но Деций Мунд отвечал ей, что хорошо говорить тому, у кого под ногами земля, а не страстное пламя, на котором он весь и сгорел от нестерпимой любви, и когда она ему отвечала, что ей это не нужно знать и она не хочет об этом слушать, и опять вырвалась, он ее не пускал и продолжал говорить ей одурманивающие слова.

-- Что касается до моей завтрашней казни, то у меня есть к тебе просьба. Я ее не боюсь, и если бы ты захотела, чтобы я совсем не страдал, то стань так, чтобы я мог видеть тебя с моего костра, и при тебе я от этого не буду страдать, и не пожелаю сойти оттуда, все равно как если бы теперь меня провозгласили цезарем или дали на небе место между Кастором и Поллуксом [Кастор и Поллукс -- в греко-римской мифологии герои-близнецы (Диоскуры), превращенные Зевсом за братскую

любовь в созвездие Близнецов.], -- я не принял бы ни трона, ни неба и не отошел бы на шаг от моей Нетэты.

Слово "моя" уязвило Нетэту, и она хотела его остановить, что-то ответить Децию или скорее бежать от него, но у ней уже не было для этого силы, и она его сожалела, а он это видел и продолжал говорить ей:

-- Не сожалей обо мне!.. Это меня обижает! Знай, что я умираю счастливым, и ты для меня дороже, чем жизнь и чем всякие боги... Не пугайся, дитя, -- я в богов ведь не верю, и ноть с мизинца Нетэты мне святей и дороже всего Олимпа. Что мне век целый было бы жить без тебя и томиться!.. Неужели лучше тому, кто умрет за славу в сраженье, или утонет в соленой пучине, добывая торговлей богатство... Нет, кто знает толк в жизни, тот не скажет, что я безумен, а скажет: ему хорошо... отрадно ему умирать, его смерть отвечает цене им владевшего счастья... О, как я счастлив! Не хочу я быть цезарем, не хочу быть и Зевсом, только прости меня, Нетэта, ради Овидия, словом которого я молился тебе, не смея

надеяться тронуть твое сердце... а теперь повели, и я удалюся на мели Менандра.

Но Нетэта не имела твердости, которая была потребна, чтобы отослать Делия к мелям Менандра. На нее опять нашли чудные сны, и она слышала, как он говорил ей шепотом о каком-то кимвре, который взошел на костер с женою и сказал ей: "Наша песня кончается, улетают часы нашей жизни!.. Постараемся улыбаться друг другу, встречая смерть".

И Нетэте казалось, что она ничего не ответила, но она улыбнулась; и опять слушала, как повествует Овидий о сожжении Тибулла [Тибулл (в первой публикации ошибочно Катулл) -- римский поэт Альбий Тибулл (ок. 50 -- 19 до н. э.); Делия и Немезида -- имена возлюбленных поэта.], как к нему пришли с поцелуем Немезида и Делия, и Делия сказала ему: "В моей любви было твое счастье, и ты мог жить до той поры, пока я была твоим огнем".

Нетэта спросила:

-- Что же сделала потом Делия? --Тибулл ее обнял, и она ушла...

-- Ушла? -- вскричала Нетэта и не говори-

ла более, уста ее закрылись и память померкла.

Явь ей представилась только тогда, когда ее отлучила от Деция рука Поливии, а в это время был уже рассвет, и ей снова казалось, что вокруг нее все было будто нескромно, будто все позабыли стыдливость; будто Деций Мунд был то Анубис, то Пан, а она ему говорила: "Зачем ты спалил мою чистоту и все добро из души моей ты похитил?"

И Поливия будто шутила над нею и уговаривала ее скорей встать и уходить отсюда, чтобы тут не застал ее день, а между тем солнце уже бросало свои лучи из-за горизонта, и лицо Нетэты горело, и она хотела остаться там, где сидела, на дерновой скамье, когда подошла к ней Поливия, и она говорила Поливии:

-- Я не знаю, зачем и куда мне идти!..

-- Неужто же ты хочешь, чтоб тебя здесь увидели? -- спросила Поливия.

А Нетэта ей отвечала:

-- Мне все равно!

-- Но для чего же ты будешь здесь оставаться?

— Я хочу быть ближе к тому, для кого я была дороже всех радостей жизни.

— Но ведь это будет твой явный позор!

— Мне больше не страшен позор мой... Не хочу я носить личину...

— А ты, значит, хочешь навести и на нас такое несчастье, какое навела на почтенного Хрема, и на бедную Иду, и на всех, кого ты изгубила, притворством своим закрывая свою развращенную душу?

Услышав эти слова от Поливии, Нетэта быстро встала, потянула на себя свое покрывало и сказала Поливии:

— Замолчи и выведи меня за дверь!

И, когда она шла за Поливией к выходу, она слышала из столовой голоса не разошедшихся еще друзей Фурния и различала среди их голос Лелия-поэта, который говорил с сожалением:

— Бедняжка... хотела его исцелить, а теперь и сама исцеленья не хочет!

А философ Булаций зевнул и отвечал ему:

— Не все ли равно, что дает наслаждение?

И сенатор Помпедий, смеясь, закончил:

— Теперь век Юпитера, а он, сам-то святей-

ший, тоже ведь большой греховодник!..

И с этим все встали, и это испугало Нетэту, которая поняла, что секрет ее всем известен, и она бросилась бежать в открытые ею двери.

XIII

Когда Нетэта вышла из дома Фурния, она поняла все, что с нею случилось, и знала, что ей после этого некуда возвращаться и не для чего было жить...

Она подошла к берегу Тибра, посмотрела вдаль, потом закрыла ладонью глаза и, пошатнувшись, упала... Плеск весел плывшей близ берега лодки пробудил ее. Она встала с земли, оглянулась и, увидав яркое солнце, рванула свои волосы и бросилась от берега к тому скрытному месту, через которое вчера попала в пещеру...

Здесь она и скрылась, вероятно не имея никакого дальнейшего плана. Всего вероятнее, она прежде хотела утопить себя в водах Тибра и сначала не нашла в себе силы это исполнить, а потом не хотела, чтобы ее видели с лодки, и скрылась в пустое место, о котором могла вспомнить и которое было к ней близко. Куда она выйдет отсюда? Это ее не занимало в то время, когда она прибежала в пещеру и пошла все дальше и дальше узким подземным коридором, пока ей стали слышаться

шум и голоса с противоположной стороны.

Это ее опять испугало, и она стала и стояла впотьмах, держась руками за сырые стены и не двигаясь ни взад ни вперед.

Состояние ее было, вероятно, близко к помешательству рассудка или даже могло быть названо таким вполне, но как бы там ни было, оно помогло Нетэте очень скоро и чрезвычайно трагически пересечь нить своей жизни.

В то время как она, полумертвая от всех потрясений, ничего не знала и не хотела, до нее донесся запах гари, и ей вспомнилось, что теперь именно, может быть, казнят за нее жрецов и лампадчиц и всех, кто помогал Децию Мунду, и сожигают самого Деция Мунда, что ни во что ценил свою жизнь пред ценой ее ласки.

И Нетэта почувствовала, что она никак не может перенести это и остаться жить...

Нетэта побежала вперед по тому ходу, по которому вышла неожиданно вчера вечером на верх колоннады, где приготавливали костер, и вдруг увидела яркий свет солнца и на земле несметную толпу людей и полукружием рас-

положенные кресты, на которых были пригвождены все жрецы Изиды: престарелый Хрем и Кадем, Баллас, Фунданий и Фуфиций, и прислужник храма Пеон, и Менекрат, возжигатель курений, и старая Ида, а вокруг ее лампадчицы Ацема и Дамо...

Они все терзались, но их стонов не было слышно за ревом толпы и треском костра, курево которого сокрывало то, что истребляло его пламя...

И в это пламя стремительно кинулась Нетэта и сгорела в нем вместе с своим оскорбителем, Децием Мундом.

Это видели все, и никто не мог ее вырвать и спасти, да и незачем было спасать ее, так как жизнь ее была сожжена...